Маскарад на семь персон

Автор:
Олег Рой

Маскарад на семь персон

Олег Юрьевич Рой

Капризы и странности судьбы

Семеро бывших однокурсников собрались за одним столом в день, когда в нашей стране отмечают парадоксальный праздник – старый Новый год. Семь человек, семь маскарадных звериных масок. Здесь есть хищники и жертвы, все как в жизни. За большинством масок скрываются лицемерие, алчность, предательство. Найдется ли за ними хоть один чистый и искренний человек?.. Матвей Громов уже не раз встречался с предательством, но он один догадывается, какой сюрприз ждет честную компанию в этот вечер. Встреча бывших однокурсников – все равно что бой без правил.

Олег Рой

Маскарад на семь персон

© Резепкин О., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

13 января 20… года

Фламинго вглядывался в мельтешение снежных хлопьев, и ему было грустно. Или скучно. Но уж точно – холодно. Ноги на ледяной мраморной плите совсем застыли. Вьющийся из-под крышки гигантской супницы пар тоже был совсем холодный. Вдобавок вонял мокрым железом и голубиным пометом, хотя пахнуть ему полагалось рыбой. Содержимого супницы, наверное, хватило бы на целую стаю фламинго. Ну то есть на целую стаю фламинго нормального размера. Но что толку быть втрое выше любого другого «такого же, как ты», если ты всегда один и «таких же» никогда не видел? Ты и себя-то не видел толком.

В зеркальном дверном стекле отражалась левая нога и кусочек правой. Голова и туловище не помещались в зеркале. Фламинго даже не мог посмотреть, сильно ли обгадили его плечи вездесущие голуби. Впрочем, если бы сильно, наверняка явились бы вооруженные щетками маленькие люди в синих комбинезонах – мыть. За этим следили. Синие люди со щетками вносили в неподвижную жизнь гигантского фламинго некоторое разнообразие, поэтому он даже на голубей не особенно сердился.

Куда хуже голубей оказался снег, что безостановочно сыпался на его розовые перья, отчего они казались совсем тусклыми. Им полагалось светиться ярко – чтобы издали было видно. А сквозь мутную снежную пелену кто тебя разглядит? Светись не светись, что толку?

Да и самому фламинго – и это самое досадное – ничего сквозь колышущуюся белесую завесу не было видно. Разве лишь то, что совсем рядом. Слякоть на холодном мраморе под ногами да несколько машин у обочины. Из одной доносилась музыка. Обычно фламинго ничего не имел против музыки – хоть какое-то развлечение. Но сейчас звучащая из железной коробки мелодия его почти раздражала (если бы он был способен испытывать что-то в этом роде). Мало вокруг снега, так еще и петь про него?!!

Снег идет густой-густой.

В ногу с ним, стопами теми,

В том же темпе, с ленью той

Или с той же быстротой,

Может быть, проходит время?

Может быть, за годом год

Следуют, как снег идет,

Или как слова в поэме?

Снег идет, снег идет[1 - Борис Пастернак.]...

* * *

– Громов!

Ольга прижала ко рту ладошку, с испугом осознав, что странная фигура – это действительно Громов. Она и сама не поняла, что ее напугало: ничего страшного в «фигуре» не было. Выглядел бывший однокашник скорее уж смешно. Даже жалко. В промокших ботинках, слишком светлом для зимы костюме с изрядно заляпанными брючинами и в довершение всего – в белой рубашке. Господи, разве можно белую рубашку под светлый костюм надевать? Да и костюм – где он такую древность откопал? К тому же гвоздика какая-то дурацкая из нагрудного кармана висит… Боже мой!

– Мотя! – радостно завопил Игорь. – Явился все-таки! А мы уж и не ждали! Прямо как в картине Репина. Ты что, через всю Москву пешком топал? В такую-то погодку, – Маликов зябко повел плечами, которые ладно облегал отлично пошитый оливково-серый пиджак. – Или боялся, что, если на такси потратишься, на оплату счета не хватит? Так я забашляю, разве мне для старого друга жалко? И такси для тебя оплачу, разве можно так здоровьем рисковать? У тебя же самые умные мозги из всего курса были, их беречь надо. А ты вон чего? Разве можно? Промерз небось как цуцик. А я как знал, в обратном порядке заказал, ну то есть все наоборот попросил принести, – он махнул в сторону стоявшей возле сырной тарелки бутылки. – Метрдотель чуть в обморок не упал: как можно, коньяк – не аперитив, его после обеда употребляют. Но правила ведь и существуют, чтобы их нарушать, разве нет? Вот я и настоял, как предчувствовал, честное слово! Так что давай коньячку, сразу согреешься, – радушие изливалось из Игоря не то что потоком – водопадом, в его дружелюбном сочувствии можно было утонуть. В буквальном смысле. – Или тебе водочки привычнее? – не удержался он от шпильки, впрочем, тут же прикрытой еще более широкой улыбкой: мол, я это не в упрек, я по-доброму, по-дружески, о ближнем забочусь изо всех сил. – А коньячок хороший, вполне французский, не

то что разные всякие… так что давай-давай! Хоть попробуешь, что это такое. Да ты садись, что ты мнешься, как бедный родственник. Не стесняйся, все ж свои. Садись, сейчас горячее принесут…

Как бедный родственник, мысленно повторила Ольга. И она тоже – как бедная родственница. Сжалась в уголке дивана – чтоб поменьше стать, чтоб не глядели, не замечали…

8–13 января 20… года

– Элло-оу?

Это «эллоу» Алла когда-то отрабатывала сосредоточенно и целенаправленно – что-то среднее между собственным именем и «хэлло». Этакий намек на английскую отстраненность, слегка смягченный легким, с оттенком интимности, придыханием. В ее работе без доверительных отношений с клиентами – никуда. Но – в рамочках, в рамочках. Доверительные отношения одними интимными интонациями не выстроишь, в фундаменте должна быть солидность.

Телефон у нее тоже был… с подтекстом: тонкий, серебристый, как бы строгий, но определенно женский. Да, все правильно: она современная деловая женщина. Самодостаточная, уверенная в своем профессионализме и в то же время – явно и нескрываемо женщина.

Не выпуская трубки, она слегка потянулась. Из клубов белой пены появилась нога. Алла пошевелила пальчиками, полюбовалась: гладкая, розовая после горячей воды, с аккуратными золотистыми ноготками. Хороша! Ну, по крайней мере, та часть, что видна, впрочем, и остальная в общем-то не хуже. Такая же элегантная, как и протяжное «эллоу». Как и вся Алла. По сути, элегантность ведь и есть соединение женственности и деловой строгости.

И все-таки Аллочка в первую очередь – деловая. Ну кто еще станет телефон в ванную таскать? Даже два телефона: и элегантный мобильник, и тяжеловатую на его фоне переносную трубку стационарного аппарата. Собственно, этот звонок поступил как раз на «городской» номер.

– Алла, это ты? – вопросили в трубке.

– Это я, – согласилась она, улыбнувшись самым краешком губ. – Говорите, слушаю вас.

Вообще-то она, конечно, узнала голос – память на всякие такие штуки у нее была отменная – но вряд ли этот звонок окажется деловым, можно и в удовольствие поважничать. Хотя как знать, как знать. Заранее не угадаешь, из какого колодца повезет напиться. Главное – не зевать, везение, как подсказывал богатый опыт, невнимательных не любит. Тем паче что месяц-два после Нового года на рынке мертвая тишина, тут любой шанс нужно ловить.

– Ну ты даешь, Цызина! – в трубке хохотнули. – Нехорошо, нехорошо старых друзей забывать. Впрочем, ладно, типа богатым буду. Хотя вроде и без того грех жаловаться. Ну что, все еще никак? Э-эх, память девичья… Или так Новый год праздновала, что до сих пор отойти не можешь? Кстати, с прошедшим тебя. Игорь я, Маликов…

– Привет, Игорек, – мурлыкнула Алла. – И тебя с Новым годом, спасибо. Сколько лет, сколько зим… Извини, что сразу не узнала, все еще отдыхают, а у меня в голове сплошная работа вместо праздников, на части рвут, ужас! – про «сплошную работу» она, разумеется, соврала, но не докладывать же всем и каждому про «мертвый сезон». Американцы вон даже накануне банкротства стараются полное преуспевание демонстрировать, и Алла полагала, что это абсолютно правильная стратегия. Если ты всех убедишь, что у тебя все в порядке, оно и сложится. – Тебе, небось, тоже профессиональные услуги понадобились? Что у тебя? Продать, купить, дом, квартира, дача, офис? Как старому другу, так и быть, скидку сделаю.

– Да нет, расслабься, я тебе работы добавлять не стану, – в трубке фыркнули. – У меня как раз наоборот, предложение отвлечься от работы.

– Батюшки! – Алла старательно изобразила нежный серебристый смешок. – Только не говори, что надумал меня на свидание пригласить, все равно не поверю. Ты же не Карен, ты ж у нас мальчик порядочный, за каждой юбкой не бегаешь. Или… – она вставила посередине фразы хорошо продуманную паузу, – седина в голову, бес в ребро?

Игорь расхохотался:

– В некотором смысле, дорогая моя, в некотором смысле. Женщинам, конечно, о возрасте напоминать неприлично, но, подруга, сколько с диплома нашего прошло? Почти двадцать лет, без маленького хвостика. И чего бы нам – ну в смысле группе нашей, я не про весь курс, а только про нас – чего бы нам не собраться? Посидели бы в ресторанчике хорошем, порадовались друг на друга. Такой вроде как новогодний карнавал. Ну или маскарад, я всегда путал, что из них что. Можно на старый Новый год собраться. Как тебе идея?

В ответную реплику Алла вложила изрядную долю скепсиса. Не то чтобы идея ей не понравилась, но сразу одобрять? Если Игорьку приспичило, пусть поуговаривает, а если нет, то тем более. Всегда нужно оставлять пространство для маневра в духе «не больно-то и хотелось».

– Блестящая мысль! Особенно с маскарадом, – отметила она со смешком. – Детский утренник под елочкой. Ты, случайно, массовиком-затейником не подрабатываешь?

– Не, ну я ничего столь глобального не представлял. Маскарад – это чисто мысль, чтоб расслабиться слегка. Все-таки сто лет уже не виделись. Кстати, потому тебе первой звоню. Ты ж у нас запасливая, у тебя все контакты всегда были. Обзвонишь народ?

Ну вот всегда так! Вообще-то предложение нравилось ей с каждой секундой все больше и больше, так что ж теперь, впрягаться в подготовку? Но, похоже, придется.

– Игорек, ты эксплуататор! – горячо взмолилась Алла. – Кто сказал, что работы мне добавлять не станет? Сто не сто, но в последний раз чуть не десять лет назад виделись. Думаешь, у меня тут телефонная книжка сама обновляется?

– Да ладно тебе! Уж будто… Ал, ну ей-богу… – заканючила трубка.

– Ладно, ладно, не ной, – фыркнула Алла. – Маскарад – это действительно может быть весело. А то новый год наступил, а праздника как будто и вовсе не было. Ну или был черт знает как давно. Я за продолжение банкета! – Алла довольно точно воспроизвела интонацию Юрия Яковлева из бессмертной гайдаевской комедии. –

Так что идею твою одобряю, и старый Новый год – подходящая дата. В общем, народ обзвоню. Всех не обещаю, но постараюсь. Кого успею найти.

Старайся, однако, не старайся, а как собирать народ, когда все, как сговорились, отказываются от городских номеров? Ну да, ну да, век сотовой связи, зачем дома стационарный телефон? Вот и выходит: звонишь одному, другому, третьему – и здрасте-пожалуйста, «номер не обслуживается». Это еще если не считать того, что чуть ли не десятеро из их группы исчезли с горизонта сразу после вручения дипломов. Ну те, кто не москвичи, разумеется. Некоторым «провинциалам» удалось в Белокаменной зацепиться, но многие и разлетелись, ищи их теперь. Да и с москвичами не лучше. Витьку-большого убили еще в конце девяностых, Илюша уж лет восемь, как на родину предков свалил, Маратик, которому Алла до сих пор чувствовала себя отчасти обязанной, где-то в Германии пособие по безработице проедает. То есть, может, и не пособие, но Алле приятнее было думать именно так.

Да и до кого удалось дозвониться, не особо горели жаждой встречи. Не все, по крайней мере. Юрик вон сперва никак не догонял, что за Алла и о какой-такой группе речь, а после буркнул, что не может «по семейным обстоятельствам». Ага, знаем мы эти обстоятельства! Еле языком ворочал, трубка, казалось, перегаром дышит. Ну надо же! А такой парень был, весельчак и душа компании – и на гитаре что хочешь мог сбацать, и анекдотами как из мешка сыпал. А какие смешные поздравлялки для всех девчонок к Восьмому марта сочинял…

Ну и ладно, таких на встрече, конечно, не нужно. Ресторан Игорек выбрал недешевый, так что и компания должна состояться соответствующая. Как там говорил классик марксизма-ленинизма? Лучше меньше, да лучше. Алла и не рассчитывала на многолюдие.

Девчонок и вовсе черта с два найдешь – вечная же история, была Иванова, стала Сидорова. Впрочем, «прекрасную» половину группы Алла и не особо старалась отыскивать. Без Кристины, ясно дело, не обойдется, так что поблистать в чисто мужской компании не выйдет, но чем меньше будет на встрече «девочек», тем лучше. Правда, Ольке Копыловой она все-таки отзвонилась – и неожиданно удачно. Юный голос на том конце провода сообщил, что мамы сейчас нет, но обещал все передать. Гм, хмыкнула Алла, кладя трубку. Олька что, фамилию не сменила? Мать-одиночка небось? Впрочем, чего еще от этой бедной, как церковная мышь, и такой же серой дурилки ожидать. Вот и ладненько, пусть

будет серая мышка. Если, конечно, мышкино отродье не забудет передать приглашение. Потому что перезванивать Алла, разумеется, не станет, вот еще! Не получит Копылова приглашение – и ничего страшного, никого ее отсутствие не расстроит. А если и получит, может, еще и не захочет на него отзываться – чего хорошего чувствовать себя бедной родственницей на чужом празднике жизни? Ну а уж если и явится, тоже неплохо. Ну для нее, для Аллы. С Кристиной не посоперничаешь, она небось и теперь в красотках, невзирая на возраст и двоих детей. А вот на фоне Копыловой Алла будет выглядеть очень даже прилично.

В ресторан она приехала с расчетом чуть опоздать – так, чтобы все уже собрались. Все да не все, оказалось. Только Алла успела расцеловаться с Игорьком, Кареном, Матвеем – мальчики выглядели один другого лучше, ну и с Кристиной, разумеется, – только они поахали друг на друга «какие все молодцы!», явилась и Копылова. Годы не прибавили ей ни морщин, ни килограммов, но в то же время…

Алла мысленно хмыкнула, окидывая бывшую одногруппницу – не подругой же ее считать, еще не хватало – оценивающим взглядом. М-да.

Серенький костюмчик а-ля Шанель, но гладкий, фу, и явно ношеный – должно быть, единственный приличный костюм в гардеробе одинокой мамаши (Алла мысленно уже окончательно записала Копылову в матери-одиночки). Сапожки на среднем каблуке – кожаные, но самые простые и далеко не новые. Сама Алла, разумеется, была в туфлях, как и Кристина. А уж средний каблук уважающая себя женщина вообще носить не должна. Либо шпилька, либо уж плоская подошва. А средний… ни то ни се, никакого стиля. Ну да и бант, изображающий из себя воротник выглядывающей из-под серенького жакетика блузочки – тоже не образец элегантности. Хоть бы брошку какую-нибудь приколола, ну или булавку галстучную, а то глазу не на чем остановиться. И волосы зачесаны так, что скучнее и представить невозможно. Прямо поселковая училка. Бледная моль, серая мышь.

Впрочем, лицо, хоть и почти без косметики, вполне ухоженное, не запущенное. И руки тоже в порядке. Может, Олька в парикмахерской работает? Маникюршей, к примеру. Хотя нынче парикмахерских-то и не осталось, все в салоны красоты попереименовывались, да что толку, суть-то прежняя. Да, подумала Алла, наверное, Копылова теперь парикмахерша или что-нибудь вроде того. Потому что, как ни крути, за лицом и руками ухаживать не три копейки стоит. Что ж, на

это деньги есть, а на приличный костюм – или хотя бы на блузку выходную – нету? Точно, маникюрша.

Конечно, Алла ни спрашивать, ни говорить ничего не станет. Она всегда предпочитала промолчать, скрыв от противника торжествующий блеск в глазах. Главное ведь – чувствовать себя победителем, а демонстрировать этот согревающий душу восторг проигравшему совершенно без надобности.

Алла позволила себе только одну, совсем мимолетную – но полную понимания – улыбку, брошенную в сторону снисходительно разглядывающей Копылову Кристины. Вот та своих чувств не скрывала: ни явного самодовольства, ни отдающей насмешкой жалости, ни несколько брезгливого любопытства: что это тут у нас? Ну прямо как кошка, оценивающая съедобность пойманной мыши. И взгляд, брошенный бывшей первой красавицей курса в сторону вальяжно развалившегося на диванчике Игоря, был тоже вполне кошачий. Правда, насмешками тут уже не пахло – скорее предвкушением.

За несколько дней до…

– А я, наоборот, люблю, когда зима! Мороз щиплет за щеки, все хрустит, обалдеть! – Нини подпрыгнула, дернула нависающую ветку, обрушив небольшую лавинку, еще раз подпрыгнула, отряхиваясь, расхохоталась – звонко, совсем по-детски.

Во время их совместных прогулок она каждый раз как будто превращалась в маленькую девочку – вертелась юлой, смеялась от любого пустяка, щурилась, забавно морща носик, повизгивала. Какой там предвыпускной класс – чистый детский сад!

Игорю это ужасно нравилось – он словно бы и сам, обрызганный этим безудержным детским весельем, возвращался туда, где был восторженным молодым отцом. Впрочем, восторженным отцом он так и остался.

Дочерей – целых двух, подумать только! – Игорь обожал. И ничуть не смущался, называя их «мои звездочки» или «мои жемчужинки», – хотя, казалось бы, в солидном мужчине такая сентиментальность смешна. Но Игорь не чувствовал себя смешным. Стоило сказать или хоть подумать «Лизанька и Аннинька», и где-

то под горлом теплело, щекотало – нежно, сладко, томительно. От «Лизаньки и Анниньки» веяло девятнадцатым веком, дворянской усадьбой, блеском паркета в двухсветной бальной зале, садовыми аллеями, в просветах которых стремительно мелькают белые девичьи платья, и прочим аристократическим бытом. Впрочем, «Лизаньку и Анниньку» он проговаривал только мысленно – в семье «дворянские» именования так и не прижились. Лизавета превратилась в Люку – то ли от малолетне-картавой «руки», то ли само вышло, он уж и не помнил. Сейчас старшая – студентка уже, страшно подумать, как время летит, того и гляди жениха приведет – делала вид, будто гордится тем, что ее зовут, как английскую королеву (даже двух королев, не хухры-мухры!), и экспериментировала с английскими вариантами вроде Бетси и Элси. От «Анниньки» осталось умилительное «Нини»: маленькой она, отказываясь от чего-нибудь или запрещая что-нибудь воспитываемым куклам, говорила не «нет-нет», а «ни-ни-ни».

– Ты куда поступать-то собралась? – Игорь слепил рыхлый снежок, бросил в сторону дочки, не попал, сделал вид, что так и надо. – Определилась уже? Или вся в каникулярных восторгах?

– Да ну! – Дочь скорчила гримасу и фыркнула. – Никуда не пойду. Сессии эти – ужас ужасный. Тут такая красота, а фигушки, давай в учебники втыкай. Люка жаловалась вчера – у них кто-то из преподов какой-то прям ужасающий зверь, всех валит, а она ж принципиальная. Если вдруг завалю, говорит, что ж мне, на встречу не идти? А идти тоже как-то не фонтан будет…

– На какую встречу? – Игорь озадаченно покрутил головой.

– Да ну, пап! – возмущенно завопила она. – Одноклассников же! Ну то есть в школе будет общий, их где-то в феврале проводят, наша классуха нас уже подписала на украшение актового, типа преемственность и все такое. А Люка со своими договорились пораньше, после сессии, ну то есть те, кто в вузах, как раз сессию сдадут, а кто нет, те просто от новогодних праздников оклемаются.

– То есть общешкольная встреча выпускников намечается в феврале, и ваш класс участвует в подготовке, – Игорь, как обычно, «перевел» скачущую скороговорку дочери на понятный язык, – а Люкины одноклассники, выходит, два раза хотят собираться?

– Ну типа того, – Нини опять подпрыгнула, обрушив очередной сугробик.

– Типа того, типа этого, – передразнил он. – Не понимаю логики. В смысле зачем такие сложности?

– Ну пап, ну как же! – Она аж руками затрясла. – Какие сложности, ты чего? Не, можно, конечно, просто повидаться, не проблема, но как бы официально договориться и встретиться – совсем другое дело.

– Все равно не понимаю, – хмыкнул он. – В школе же и будет такой официальный вечер…

– Фу-у-у… – Дочь сморщила носик. – В школе тягомотина. Ну то есть не то чтобы тягомотина, но как-то… – Она дернула плечом, словно завершая и поясняя этим жестом недоговоренную фразу. – А они соберутся в каком-нибудь тихом ресторанчике, нарядятся почуднее, приколы всякие приготовят, ну, розыгрыши. Ужасно весело будет! Все ж скучают, разве не понятно? Не в смысле им скучно, а друг по дружке. Вот ты ведь тоже скучаешь по своим одноклассникам? Или с кем в универе учился. Скучаешь, да?

От неожиданности Игорь несколько опешил, не зная толком, что отвечать:

– Во-первых, я учился в институте, это теперь, только ткни – сплошь университеты да академии…

– Ой, да знаю я! – Она нетерпеливо мотнула головой. – Я ж про другое! Не может же быть, чтобы ты не скучал по старым друзьям. Скучаешь ведь?.. Хотя… ты вроде бы и не встречаешься ни с кем… Или?

Он пожал плечами:

– Да у меня и так вся жизнь – сплошные встречи и разговоры, зачем еще какие-то турусы на колесах разводить?

– Не, ну ты чего, правда, не понимаешь? – Нини смешно округлила глаза, как бы придя в ужас от услышанного. – Это ж… ну… не… ну я не знаю даже… Даже представить не могу, как я без своих буду… Не, мы после выпускного точно не

разбежимся. Да этого просто не может быть! Наш класс силой не разорвешь! Классная наша говорит, что таких, как мы, она и не видела, чтоб так накрепко. Не, я не знаю, может, в универе по-другому, но Люка твердит – то же самое: если уж учились вместе, то это на всю жизнь!

Игорь усмехнулся:

– Жизнь вообще-то довольно длинная штука…

– Ты просто прикалываешься, да? Везде же написано, что юношеская дружба – это на всю жизнь. И я точно знаю, что мы всю жизнь дружить будем! Вот ты же со своими дружишь?.. Дружишь? – требовательно повторила Аннинька, остановившись посреди парковой дорожки.

Игорь залюбовался. Румяная – то ли от мороза, то ли от возмущения, – глаза горят… Ах, хороша дочка!

– Ну… более-менее, – соврал он.

– Во-от! – удовлетворенно протянула дочь, повернувшись, чтобы продолжать прогулку, но не умолкая. – Нельзя же старых друзей забыть, этого просто быть не может. И ты не забываешь, просто я не знаю, да? Ну да, с чего ты будешь мне про это рассказывать. А интересно было бы поглядеть… Смешно, наверное…

Дочь убежала вперед, подпрыгивая на каждом шаге, как разыгравшийся щенок, и бормоча себе под нос какую-то песенку, потом так же вприпрыжку вернулась, сунула ладошку в узорчатой перчатке под локоть его дубленки и зашагала рядом – уже чинно и без скаканья. И носик повыше задрала, и узким личиком серьезность изобразила. Получилась почти пародия: благородный отец выводит на прогулку повзрослевшую дочь.

Именно тогда в голову Игорю пришла идея, и через два дня он позвонил Алле. Что-то разбередила внутри эта смешная дочкина болтовня. А может, дело было в том, что только что отгремел Новый год, и блестки отгоревшего праздника еще посверкивали сквозь серую пелену начавшихся будней. Как отзвук чего-то неслучившегося, чего ждешь каждый Новый год, а оно все не происходит и не

происходит. А может, никто и не ждет, что вот прямо в полночь все волшебным образом переменится и начнется что-то новое, лучшее. Может, просто после долгих празднований никому не хочется впрягаться в привычные лямки – и тяжко, и нудно, и натирает тут и там, и хочется вернуть прекрасное время, когда никаких лямок вовсе не было!

И про маскарад он потому и брякнул, что вспомнил «нарядятся почуднее, ужасно весело будет». Потом, правда, идея карнавала как-то потускнела, потеряла привкус удалой бесшабашности. Ну какая, право, бесшабашность в их-то возрасте? Впрочем, в магазинчик «приколов» он все-таки заглянул, попросив милую девушку с торчащими косичками – ну чистая Пеппи Длинныйчулок! – подобрать несколько масок. Новогодний марафон всеобщих безумств закончился, и обилия покупателей в магазинчике не наблюдалось, да что там, попросту безлюден был магазинчик. Так что изрядно заскучавшая продавщица обрадовалась неожиданному покупателю, как давным-давно потерянному и вдруг обретенному родственнику, и принялась с ним возиться, как будто он являлся единственным клиентом за все время существования магазинчика. Игорю даже неловко стало. Он чуть не пожалел, что зашел за этими масками. Которые, впрочем, были уже благополучно отобраны, оплачены и теперь бережно укладывались в фирменный пакет. На пакете красовался знаменитый портрет Эйнштейна с высунутым языком – нате вам!

Мельком Игорю подумалось, что зря, наверное, все на Цызину сбросил. Хотя бы Громову надо было собственноручно позвонить – все-таки не просто однокашники, а реально старые друзья, аж со школы, с самого первого класса… Впрочем, чего сейчас-то беспокоиться? До назначенного времени встречи остался один день, так что как сделано, так сделано. Да и, если подумать… какие там друзья… Если всех школьных приятелей старыми друзьями считать, дружилки не напасешься.

12 января 20… года

Сбросив супружеские цепи, Кристина, кажется, впервые в жизни почувствовала себя свободной. Муж благородно съехал в какую-то съемную дыру – впрочем, ее это не интересовало. Дети перебрались под присмотр бабушки с дедушкой – да и то сказать, практически взрослые уже, чего с ними нянчиться, с ней вон никто никогда не нянчился и ничего, жива-здорова и прекрасно себя чувствует. И сама себе хозяйка. Наконец-то! Деньги с бывшего она тянуть не собиралась, какая же

это свобода.

Освежив подзабытый английский, Кристина легко пристроилась в московское представительство австрийской фармацевтической компании. Там всем было наплевать, что в голове от институтских знаний сохранилось немногое – лишь бы диплом по профилю и манеры приличные. Ну что, что, а держать себя Кристина всегда умела. Точнее, и не помнила уже, когда не умела. Диплом же, хоть и попахивал нафталином, был не просто профильный, а весьма солидный – первый мед, это вам не просто так. Добавьте к этому внешность и обаяние – вуаля, вот вам идеальный «представитель»!

В общем, финансово она от развода даже выиграла. А уж дышать так точно легче стало. Или, может, вкуснее. Вольный ветер свободы делал тело легким, а голову приятно звенящей, словно полной пузырьков от шампанского. Сама себе хозяйка!

Но, понаслаждавшись какое-то время этим самым вольным воздухом, Кристина почувствовала нечто вроде неловкости. Как будто чего-то ей не хватало. Что за чушь? У нее все есть! Все, нашептывал ледяной внутренний голос. Кроме мужа. Она удивлялась сама себе: да зачем нужен муж? Но удивлялась недолго. Кого угодно можно обманывать. А себя – не стоит. Есть женщины, прекрасно себя чувствующие сами с собой, а есть – те, кому непременно нужен муж. Не для того, чтоб кормил или там защищал, а просто – чтоб был. Быть не замужем оказалось как-то… неуютно. Воспитание ли тому причиной или это от природы заложено, но ничего не попишешь – она, Кристина, явно из «вторых».

Оставалось только подобрать какой-нибудь экземпляр поприличней, чтобы и в люди не стыдно показаться, но при этом муж не мешал. Факт замужества обозначен? И довольно. Строго говоря, неплохо отвечал всем этим условиям бывший муж Игорь. Он, конечно, не очень престижный спутник, скорее даже так себе, на нижней границе допустимого. Лучше бы какой-нибудь министр или директор банка – с личным самолетом и лондонским особняком, хотя бы небольшим. Но, с другой стороны, вряд ли директором банка можно так же легко крутить, как ее бывшим. А «чтоб не мешал» – это ведь главное. Вот и ладно. Если ничего более удобного, вроде директора банка, не подвернется, вполне можно и предыдущий брак восстановить. Никаких проблем. Развелись они довольно скоропалительно, бывший даже понять ничего не успел и, кажется, до сих пор оплакивает потерю. При всей своей неспособности что-либо оплакивать. В общем, вернуть все на свои места окажется несложно.

Для начала можно будет еще доставить себе удовольствие – поиграть на его нервах, помучить, приближая и вновь отдаляя. Тем временем вдруг что-то более подходящее подвернется. Ну а нет, так нет.

Впрочем, это все не к спеху. Стоило осознать, что для душевного спокойствия Кристине непременно нужен муж (не очень понятно, зачем, но вот так ее душа устроена, что ж поделать), это самое спокойствие моментально восстановилось. Раз нужен – значит, будет. Но с этим можно не торопиться.

А вот встретиться с институтскими приятелями, на людей посмотреть и себя показать – отличная мысль. Лишний раз почувствовать себя королевой бала – грех от такого удовольствия отказываться. Разумеется, королевой встречи окажется именно она, в том и сомнений никаких быть не может, достаточно в зеркало взглянуть. Хотя подготовиться не помешает. Впрочем, перышки чистить – это еще одно удовольствие.

Помимо всего прочего, работа в представительстве делала Кристину обладательницей VIP-карты элитного фитнес-центра. Фармкомпания поставляла сюда всевозможные косметические и оздоровительные препараты, а центр «в благодарность» за предоставленные скидки выделял для ее сотрудников некоторое количество бесплатных клубных карт.

Возможностей это давало массу: йога, пилатес, аэробика обычная и водная, танцы такие и эдакие, бассейн, разнообразные бани и четыре «тематических» тренажерных зала. Впрочем, заниматься на тренажерах или в фитнес-группах Кристине не нравилось. Она предпочитала, чтобы занимались ею. Зачем изнурять себя гантелями или, боже упаси, беговой дорожкой, если существуют массажи, обертывания и прочие приятные штучки? Лежишь себе, слушаешь музыку, а вокруг тебя вьются специалисты, чья задача – довести твое тело и лицо до совершенства. Пусть вьются, у них работа такая, им за это деньги платят. Ну да, сама Кристина не платила ни копейки, но какая разница?

Парикмахерам, визажистам и прочим маникюршам приходилось, разумеется, платить, и суммы выходили… изрядные. Но Кристина не жалела денег на «уход». Пожалеешь тут, потеряешь куда больше. Все-таки не девочка уже. Это в двадцать лет красота как бы сама по себе, без всяких дополнительных ухищрений существует. Вот есть и все тут. Не у всех, конечно, а кому повезло. Ей – повезло, природа не поскупилась, отсыпав щедрой горстью: и лицо, и

фигура, и волосы – чудо и восторг. Красота, в общем. Редкостная, безукоризненная, притягательная. Но ведь и растерять полученный от природы «капитал» несложно. Как поглядишь на многих бывших милашек – фу! Точеная фигурка превратилась в «рубенсовские формы», волосики потускнели и поредели, лицо обвисло, как будто прежней юной красотке не тридцать, а все шестьдесят. Шествует этакая матрона «со следами былой красоты». А уж к сороковнику и от «следов» ни следа не остается. Бывает, впрочем, и наоборот: та, что в двадцать лет не привлекала ничем, кроме юной свежести, к тридцати пяти – сорока годам вдруг… расцветает.

Точно, точно. Кристина очень хорошо знала цену этому «вдруг». Ага, вы еще скажите – само собой! Правда, отвечая на восхищенно-завистливые охи «как тебе удается так выглядеть, как будто возраста не существует», она лишь улыбалась загадочно да плечиком пожимала, как бы в недоумении: да вроде ничего особенного и не делаю. Ну питаться стараюсь рационально, нет-нет-нет, какие диеты, просто слежу, чтобы продукты были здоровые, ну и без излишеств, конечно, гуляю регулярно, чтобы в тонусе быть, сон тоже очень важен. А так – извините, никаких секретов, никаких таинственных усилий.

Если кому-то хочется верить в «само собой», мысленно усмехалась она, то и пусть их. Без усилий ничего не бывает. И уж тем более красота. Ее и саму после вторых родов так разнесло, что вспомнить страшно. Сколько сил, нервов и, что греха таить, денег пришлось потратить на возвращение себя в приличную форму… Теперь-то она себе распускаться не позволяет. Упустишь, потом к зеркалу страшно будет подходить. Ну и чтобы блистать без скидок на возраст, усилий приходится прикладывать ого-го сколько. Или как минимум времени и денег. Зато и результат… налицо. На лицо, на фигуру, на руки, ноги, волосы… Возраст, говорите? Улыбаясь, Кристина подмигивала своему отражению. Годы? Какая чепуха! Сейчас она, зеркало не даст соврать, выглядела, несомненно, лучше, чем двадцать лет назад.

Интересно, лениво думала Кристина, пока японские рыбки, шустро мелькая в прохладной зеленоватой воде, доводили до идеального состояния кожу на ее узких ступнях, интересно, Карен свою молодую жену приведет? Вообще-то на встречи выпускников являться с супругами не принято, но, может, ему захочется юной женушкой похвастаться? Любопытно было бы поглядеть… Впрочем, пожалуй, нет. Рассмотреть новую Кавояншу она еще успеет, а терпеть рядом присутствие еще одной красавицы совсем не хочется. Конечно, она, Кристина, выглядит сногсшибательно, однако у кареновского приобретения есть, увы,

неоспоримое преимущество – возраст. Может, в глаза это и не бросается, зато в подсознании все равно остается: вот этой – двадцать, а той – сорок. А мужское подсознание – штука небезопасная…

13 января 20… года

Армянские семьи многочисленны – это аксиома. Ну, по крайней мере, для Карена это было именно аксиомой. Ну да, случается, конечно, что родители, пусть они хоть сто раз приверженцы традиций, по каким-то причинам ограничиваются одним ребенком. Но при этом наверняка у них самих есть всякие братья, сестры, тетушки, дядюшки, свояки, племянницы – и так далее, и тому подобное. А еще бабушки и дедушки! В сумме, если сложить ближних и дальних родственников, получается настоящая толпа. Причем «дальние» – вовсе не дальние. Все они – родные, двоюродные, троюродные и бог знает какие еще – помнят, что они родня. Так принято. Потому что – семья.

А родне полагается поддерживать отношения – как иначе, мы же любим друг друга! И тетю Ануш, и дядю Гурама, и бабушку Зою, и маленьких племянников. И мы счастливы, собираясь за общим семейным столом. Пусть даже ни один стол не в состоянии вместить такого количества народу, можно ведь и в несколько приемов, так даже еще и лучше! Когда? Да на Новый год, разумеется, – это самый семейный праздник, каждому ясно. Даже если ради него приходится лететь с другой стороны земного шара. Поскольку народу много, а обстоятельства могут быть разные, Новый год «по-кавоянски» превращался в некий семейно-застольный марафон, начинавшийся во второй половине декабря и завершавшийся где-нибудь к старому Новому году.

Нет, Карен любил свою родню – правда-правда, особенно старшее поколение – и застолья любил, и чувствовать себя «одним из Кавоянов» ему очень нравилось.

Но утомительно, что ни говори. Обед у дяди Генриха, ужин у бабушки Гаяне, обед у тети Сусанны, ужин у… Бесконечные объятья, слезы, смех, понятные только «своим» шуточки, восторги в духе «как подросла малышка Ева» и тому подобные радости семейных встреч. Впрочем, «радости» случались разные.

Несколько лет назад одна из его двоюродных сестер – Ниночка, кажется, – родила прямо во время новогоднего обеда. Охнула вдруг, вскрикнула коротко,

побелела, как устилавшая стол праздничная скатерть тети Сусанны, и начала заваливаться на своего вмиг растерявшегося мужа. Но бабушка Марина, с одного взгляда оценив ситуацию, моментально взяла ее в свои маленькие сухие ручки, деловито отдавая короткие команды – прямо как полководец на поле битвы.

Ниночку отнесли в спальню, дядя Назар, вытаскивая из потертого саквояжа перчатки, бурчал под нос «я все-таки гастрохирург, а не акушер, «Скорую» надо было еще часа три назад вызвать, когда за стол садились, а она охать стала», – и через час все уже обнимались под тост «за здоровье новорожденного».

Явившаяся наконец-то бригада «Скорой» застала идиллическую картину: побледневшая Ниночка возлежала на широком угловом диване – перенести ее после «исполнения женского долга» обратно в столовую распорядилась все та же бабушка Марина, – прижимала к себе круглый белый сверток и принимала поздравления. «Бригадир» сперва хмурился и недовольно качал головой, бормоча что-то о «чертовых родах на дому», но, осмотрев роженицу и младенца, просветлел, похвалил бабушку за расторопность и сообразительность, пожал руку дяде Назару: «Спасибо, коллега!» – и отбыл, пожелав всем здоровья, удач в Новом году и «больше так не делать».

В этот раз марафон семейной любви обошелся, к счастью, без медицинских осложнений. Но Карен все равно устал. И Алле, звавшей его на встречу бывших одногруппников, сперва заявил, что поучаствовать, ах как жаль, никак не сможет. Но потом подумал: да ладно, обедом больше, обедом меньше, раз уж назначили встречу на такое неудобное время, не переносить же из-за него одного.

Жаль только, что Лиана его сопровождать отказалась категорически:

– Карен, ну я понимаю – семья. Там я к месту, а мое отсутствие выглядело бы не совсем прилично. Но на встречи выпускников не ходят с женами или там мужьями. Не принято. Очень глупо будет.

Он знал, что она права, но настаивал (мужчина он или нет, в конце-то концов):

– Зато на встречах принято хвастаться своими жизненными достижениями. А мое главное достижение – это ты. Нарядим тебя в то платье, что тетя Карина

подарила, а? Или новое купим, а? Королевой явишься, все мне завидовать станут.

Но Лиана только улыбалась мягко:

– Спасибо, милый. Но сам подумай: там все старше меня, причем это ведь для тебя они свои, а для меня-то абсолютно чужие люди, мне будет… неловко. И ресторан для встречи выбрали какой-то дурацкий…

– Почему дурацкий? – обиделся Карен. – Мы же там были, осенью, кажется, и вроде вполне ничего себе.

– Ну, может, не дурацкий, а… – Лиана наморщила фарфорово гладкий лоб, подбирая слово. – Бессмысленный. Дорогой, да. Пышно все так… И ужасно безвкусно: выпендрежа много, а впечатление так себе. Весь, как собственное название. «Розовый фламинго», фу-ты, ну-ты! Нет, я понимаю, что они на дарах моря и североафриканской и вообще средиземноморской кухне специализируются, но почему не просто «Фламинго»? Как будто они бывают другого цвета. Фламинго всегда розовые. В общем, масло масляное, типа «Морской кит». И в буквальном смысле этот «Фламинго» – тоже безвкусный. Блюда разукрашивают как не знаю что, а что там под украшениями – наплевать. Но есть невозможно, подошва, как ее ни украшай, все равно подошва.

– Ты преувеличиваешь, – сердито буркнул Карен.

– Немного, – примирительно улыбнулась Лиана. – Са-амую чуточку! Ну, Карен, ну не хочется мне! Я еще от новогоднего застольного марафона не отошла, а ты меня опять куда-то тащишь. Нет, ты не подумай, ваши семейные праздники мне как раз понравились. Все такие… милые. Но с непривычки утомительно. Так что я поваляюсь, почитаю, если не возражаешь.

Читала Лиана много. Вот и сейчас перед ней была раскрыта какая-то книжица – пестрая, похожая на любовный роман. Впрочем, с Лианой никогда не знаешь. Карен довольно долго полагал, что если девушка читает запоем, значит, упивается любовными страстями.

Но однажды, заглянув через плечо, он прочитал: «Лакуны и фантомы в лексической системе – это еще не все проявления самобытности и

самостоятельности языка. Не менее характерным доказательством этих его качеств является своеобразие языковых классификаций. Дело в том, что те разбиения на классы, которые предлагает нам язык, часто не совпадают с классификационными основаниями, предлагаемыми нам объективной действительностью…»

Жуть какая, изумился он:

– Ты такое читаешь? Зачем?

– Мне интересно, – коротко и непонятно объяснила Лиана.

Карен воззрился на нее с еще большим изумлением: как такое может быть интересно? Но других объяснений не последовало, и он, пожав плечами, вернулся к телевизору, где по спортивному каналу крутили очередной этап «Формулы-1»: ревели, вписываясь в виражи, низкие хищные машины, комментатор сыпал «шиканами» и «форсажами» – словами тоже не особенно понятными, но очень мужскими. Вот там было интересно, не то что эти, как их… лакуны и фантомы.

Что молодая супруга читает сейчас, он предпочел не выяснять.

– Ну ладно, можешь не ходить. Отдыхай, – милостиво дозволил Карен, чувствуя себя шахом или, может, калифом, в общем, восточным владыкой, всесильным, но великодушным. – Только придумай, что мне надеть. Сказали, намечается что-то типа маскарада.

Лиана приподняла совершенную бровь, окинула мужа оценивающим взором:

– Пиратом, например…

– Ничего себе! – изумился Карен. – Солидный человек и вдруг – пират. Я что, на разбойника похож? И как это должно выглядеть? Деревянную ногу, что ли, приделывать? И за пояс кухонные ножи вместо абордажных кинжалов?

– Ну что ты! – хихикнула Лиана. – Просто я подумала… Вдруг к идее маскарада не все отнесутся так… горячо. Значит, чтобы на пустяки лишних денег не

тратить, надо костюм выбрать попроще…

– Ага! Кинжалы и попугай на плече, – он кивнул в сторону забавного ночника, изображавшего какаду. – Простенько и незаметненько. И совершенно бесплатно, главное.

– Ну что ты, – повторила она. – Никаких попугаев. Зачем усложнять? Костюм можно обычный оставить, только черную повязку через глаз сделать, и готово. А если на самом деле все нарядятся, добавить шарф на голову. Сбоку затянуть, типичный пират получится. На такой случай шарф нужно надеть… – Она на мгновение задумалась, – бордовый, тот, что тебе дядя… не помню… какой-то из дядей подарил. Сам по себе выглядит прилично, а если на голову – будешь капитан Джек Воробей, гроза всех морей! У того, правда, оба глаза на месте, но это не важно, документальная точность никому не интересна, главное – стиль соблюсти. Пойдем, покажу, как шарф повязывать. И ленту черную найду.

Карен сунул в карман пиджака черную бархатную ленту (подумалось мельком: интересно, откуда она у нас? Ох уж эти женщины, с ума сойти, какие запасливые!) и подхватил с тумбочки ключи от новенькой, не совсем еще привычной «Субару», которой он гордился почти так же, как молодой прекрасной супругой. Но раз уж Лиана идти отказалась, маскарад там или не маскарад, а по такой машине сразу видно: у человека все в порядке. Собственно, разве не за этим ходят на встречи выпускников – чтобы жизненные достижения продемонстрировать?

Уже на полдороге он понял, что идея насчет машины была не слишком удачной. Пробираться сквозь снежные заносы и спровоцированные ими пробки было удовольствием ниже среднего. Вдобавок дорожное родео отнимало кучу времени. Так что в вечном споре между пешеходами и автомобилистами, когда одни говорят, что на метро быстрее, а вторые высокомерно усмехаются – зато на машине комфортнее, сегодня Карен почти готов был принять сторону пешеходов.

Как бы не опоздать…

* * *

Уже стоя в прихожей, он вспомнил, что Алла говорила про «маскарад». Оглядел себя. М-да. Весьма представительный молодой человек – он до сих пор называл себя молодым, а что? Не старый же, сорока нет еще. И костюм, и ботинки, и пальто – все выглядело очень и очень недурственно. Вот только на маскарадный этот недурственный (и недешевый) костюм был совсем не похож…

Это все, конечно, не имело никакого значения, можно и наплевать, не выгонят же его, в конце-то концов, со встречи за небрежение «условиями». Но, с другой стороны, одернул он сам себя, можно ведь и вовсе никуда не ходить. А это было бы уже… неправильно. Судя по выбору ресторана, собираются не кто попало (он толком не знал, как сложилась жизнь бывших одногруппников), а те, кто как минимум «может себе позволить», то есть люди успешные. Так что мало ли. Может, какой-нибудь полезный шанс подвернется. Заранее не угадаешь, а те, кто не проверяет каждый пруд на предмет наличия рыбы, в итоге проходят мимо того единственного «пруда», в который имеет смысл «закидывать удочку», а значит, остаются с пустыми «куканами»[2 - Кукан – приспособление для хранения и переноса выловленной рыбы.].

Своим основным «стержнем» Стас Гордин всегда считал практичность и был убежден: везет тем, кто заглядывает под каждый камень. Труд-то ведь невелик, зато под одним из камней в конце концов вполне может обнаружиться выход золотой жилы. Или хотя бы оброненный или спрятанный кем-то кошелек.

Поэтому идти, разумеется, нужно. А значит, придется более-менее соответствовать поставленным условиям. Как говорил кто-то из древних, в Риме веди себя как римлянин. Выгнать-то действительно не выгонят, но если все придут в костюмах, он будет чувствовать себя на общем фоне белой вороной. Неловко то есть.

Чувствовать себя неловко Стас не любил. Ей-богу, лучше уж на скамье подсудимых находиться, чем в перекрестье снисходительных взглядов. На скамье подсудимых он, правда, не бывал, но полагал, что даже в этом есть некоторое достоинство. А вот стать объектом снисхождения… Нет уж. В общем, без чего-нибудь карнавального не обойтись.

В принципе костюм сочинить несложно. Напялить длинный халат – есть у него такой, шикарный, китайский, плотного темно-синего шелка, с драконами и звездами, намотать на голову шарф – и получится восточный предсказатель. Ну и тапки обуть, которые лет десять назад одна из тогдашних пассий подарила – в

турецком духе, с загнутыми носами.

Почему-то каждая из появившихся в его квартире девиц норовила внести свою лепту в создание домашнего уюта. Самому Стасу было наплевать на перемены в интерьере, но он точно знал: как только девица начинает что-то нести в дом – будь то набор винных бокалов, коврик или вот тапки, – надо срочно сводить роман к нулю. Иначе захомутают по полной программе, без скандалов и истерик не отобьешься.

Скандалов Гордин не любил. Он вообще предпочитал не портить отношения. Зря, что ли, в народе говорится: не плюй в колодец, пригодится воды напиться. Так что, выводя очередную пассию «за скобки», он старался по возможности сохранить если не дружеские, то хотя бы приятельские отношения. Обычно получалось. Потому что возможности есть всегда. И во всем. Нет ничего проще, чем сделать так, чтоб очередная кошечка, недовольно хмыкнув, ушла искать, где мягче стелют. И пусть она думает «я сама его бросила», пусть даже кому угодно про это говорит, не велика печаль. Нет ни выигрышей, ни проигрышей стороны, все это – лишь ступеньки. На каждой можно постоять, наслаждаясь триумфом или извлекая уроки из провала, но только недолго. Дальше нужно двигаться… дальше.

Коврики, кувшинчики и салфеточки, притаскиваемые пассиями, были, как правило, ни к селу ни к городу. Но Стас старался ничего не выбрасывать. И с людьми, и с вещами вечно одна и та же история – только выбросишь из своей жизни, ан, глядишь, тут же понадобится. Так и лежали подарки по углам, ждали своего часа. Вроде этих идиотских турецких тапок, которые могут стать роскошным украшением маскарадного костюма. Спасибо тебе, дорогая… как же ее звали-то? Впрочем, не важно.

С другой стороны, если большинство явившихся «забьет» на предложенный «маскарад»… Хорош Стас будет тогда в своем халате. Так что надо придумать что-то из серии «ни нашим, ни вашим», типа «и рыбку съесть, и косточкой не подавиться».

Вот только времени уже не оставалось.

Хоть монетку бросай. Правда, толку с той монетки – на ней же никаких умных или полезных рекомендаций не написано. Не метод, в общем.

Впрочем, метод-то у Гордина как раз был. Старый, еще чуть не со школьных времен. Если нужно придумать что-то неординарное, а гениальные идеи в голову приходить не торопятся, можно включить телевизор и полистать каналы – непременно намек на решение да попадется. Сейчас методом стало пользоваться еще удобнее: и каналов не в пример больше.

Пульт нашелся там, где ему и полагалось находиться – между диванными подушками. После пяти-шести переключений телевизор вдруг сообщил: «Это волчанка!» По экрану бегали люди в халатах – кто в белых, кто в зеленых, кто-то, кажется, даже в голубом. Но это уже не имело значения, идея была ясна: добрый доктор Айболит, он под деревом сидит. Ну или не добрый и не Айболит, главное – общая картина.

В ящике кухонного стола нашелся кондитерский шприц – тоже «наследство» после одной из пассий. В одном из отделений мебельной стенки – стетоскоп и шапочка. Да здравствует медицинское образование! Хоть какая-то от него польза.

Перед зеркалом Стас прикинул потенциальный «костюм»: на шее стетоскоп болтается, на голове шапочка сикось-накось, из пиджачного кармана двухсотграммовый шприц высовывается – и с юмором, и намек на то, что выпускники-то как-никак из медицинского вуза вышли. А если идея маскарада окажется не слишком востребованной, айболитовский «костюм» легко и непринужденно ликвидируется.

Молодец, Гордин, похвалил он сам себя. Так держать.

Ресторан «Розовый фламинго» понравился Стасу сразу. Вроде бы и в центре, то есть удобно добираться, даже с учетом традиционных пробок, но в то же время не на виду, а в уютном дворике, значит, случайных посетителей не бывает. И оформление очень даже ничего себе: ярко, богато, эффектно. Стильно.

Из холла в ресторанный зал вел широкий проем, по сторонам которого стояли два гигантских, метра по четыре, деревянных (а может, пластмассовых или гипсовых, черт их разберет) фламинго. Изящно изогнув длинные шеи, птички сцепились массивными крючковатыми клювами, образуя над проемом оригинальную арку. Проходя под ней, Стас вдруг растерялся – куда идти-то? Узнает ли он тех, с кем сидел, как это называется, за одной партой? Все-таки лет

прошло – ого-го сколько.

Впрочем, замешательство продлилось лишь несколько секунд – Кристину он заметил издали. Ее трудно было не заметить, разве что глаза зажмурить: алое платье невольно притягивало взгляд, так что казалось, будто в зале, хоть и изрядных размеров, нет больше никого, кроме обладательницы платья. Ну, по крайней мере, никого заслуживающего внимания.

В этом была вся Кристина, хмыкнул про себя Стас. Непременно ей нужно центральное место занять. И декольте, разумеется, на грани приличия, отметил он, подходя ближе. Хотя что ж, может себе позволить. Годы ее не испортили, даже вроде бы наоборот, как-то улучшили. Или это она так себя подает? Впрочем, что-что, а подать себя Кристина всегда умела. Первая красотка курса, ах, ох, все падают штабелями и бегут на цыпочках исполнять любой каприз прелестницы. Причем одновременно. То есть одновременно бегут и падают.

Через несколько столиков от нужного три девицы-красавицы синхронно потягивали разноцветные коктейли и почти так же синхронно поклевывали какие-то пестрые пирожные – не то студентки окончание сессии отмечали, не то «ночные бабочки» на охоту за клиентами вылетели. Впрочем, для «ночных бабочек» девичий щебет был, пожалуй, слишком безмятежен.

Кристина поглядывала на троицу несколько недовольно – как это кто-то осмеливается быть красивым в ее ослепительном присутствии?!

Гордину Кристина не нравилась с самого первого курса. Ну то есть внешность у нее, конечно, впечатляющая, столбенели от нее не только однокурсники, но и кое-кто из профессуры. Но Стас воспринимал эту неземную красоту примерно как произведение искусства. Конечно, она не мраморная, наподобие античных статуй, а вполне живая, из плоти и крови, но почему-то именно плотских желаний эта великолепная плоть не возбуждала. Ему всегда казалось, что для Кристины быть первой красавицей – главное дело в жизни. А кроме этого – ничего. Пустота. Вроде той царицы, что вопрошала надменно: «Свет мой, зеркальце, скажи!» Как сказочный царь ухитрился такую в жены взять – уму непостижимо!

Жить рядом с таким существом – а женитьба, как ни смотри, означает совместный быт – все равно, что парчовым покрывалом полы мыть: и тяжело, и

царапает, и не моет ни черта. Впрочем, на парчовом покрывале и сидеть-то не очень, а уж лежать и вовсе. Только любоваться. Для чего-нибудь более осмысленного парча не годится совершенно. Так же, как ледяной дворец совершенно непригоден для жизни. Но смотреть красиво, да. Аж дух захватывает. Маска, изображающая надменную львиную морду, была небрежно сдвинута на затылок.

Впрочем, Игорек, кажется, подобными мыслями не отягощается, ехидно думал Гордин, подходя к столику. Вон как в Кристинино декольте глаза запускает. И маска у него парная к ее, тоже львиная. Ну и ладно. Маскарад состоялся. Стас выбрал из нескольких лежащих на столе масок ту, что с волчьей мордой. Получился доктор-волк, эдакий санитар леса. Смешно. Ну что же, он будет получать удовольствие (и если повезет – пользу) от организованной Игорьком встречи. Запахи, волнами плывущие по золочено-розовому ресторанному залу, куда соблазнительнее терпких Кристининых духов. Вкусно поесть в приятной компании – далеко не самое мелкое из жизненных удовольствий. Стас даже слюну сглотнул. В предвкушении.

А если вдруг на встречу заявится Громов… Впрочем, а что, собственно? Ну Громов, подумаешь. Сто лет прошло. Да еще и неизвестно, кто на кого сердиться должен и кто перед кем виноват. Это с какой стороны посмотреть. Он, Стас Гордин, виноватым себя никогда не чувствовал, скорее уж наоборот, в пострадавшие ни за что ни про что попал. Хотя, может, и вовсе никто ни в чем не виноват. Обстоятельства так сложились. Как пишут в официальных бумагах, обстоятельства непреодолимой силы.

* * *

Наверное, именно так чувствуют себя женщины, когда, вперившись обреченным взором в битком набитые гардеробные глубины, печально вздыхают: ну совершенно нечего надеть.

Громов, признаться, никогда этого не понимал. А вот теперь не то что понял – почувствовал. Кажется, впервые за все свои почти сорок лет.

И ведь нельзя сказать, чтоб надеть было действительно «нечего». Ну то есть чтобы в буквальном смысле. В конце концов, не голый же он ходит. Москва – не какое-нибудь Самоа, чтоб голышом бегать. И не младенец он грудной, чтоб

памперсами да пеленками обходиться. Он еще раз – кажется, уже четвертый – «пролистал» содержимое гардероба.

Нет, все это решительно не годилось. Одежда рассказывает о своем обладателе… в общем, многое рассказывает. Может, Шерлок Холмс и преувеличивал насчет соответствия человека и костюма, но тут… Он вытащил пиджак – темно-серый, неброский, практичный – и тут же сунул на место. Нет. Совершенно не подходит. Прочие «тряпки» были еще хуже. В них вполне можно было пойти – ну… в общем, куда угодно можно было пойти, кроме вечеринки с бывшими одногруппниками – нет, решительно невозможно.

Обычно никого никогда не беспокоило, как Громов одет – лишь бы работа шла. Но сегодня… сегодня был особый случай. Сегодня требовалось… соответствовать.

Конечно, вряд ли кто-то станет к нему приглядываться – кому интересен Мотька Громов?

Степан называл его Матвеем Афанасьевичем – и на «ты», лишь на публике сменявшееся корректным «вы». Лизавета, кстати, тоже обращалась к нему по имени-отчеству – и на «ты». Еще и носиком ехидно при этом дергала. Громова это почему-то не раздражало, а забавляло. Ведь девчонка совсем, от горшка два вершка, а туда же – иронизирует. Хотя он ей в отцы годится. Матвей хмыкнул, мысленно оценив двусмысленность этой формулы. С Лизаветой всегда так: хоть и девчонка, а все у нее с подтекстом. Некстати вспомнилось чеховское: «Они хочут свою образованность показать, поэтому всегда говорят о непонятном». Степан-то вариациями на тему личного обращения всего лишь уважение демонстрировал. Очень демократично. Громов не возражал, разумеется. Странно было бы, если бы он вдруг принялся возражать. Субординация, мать ее за ногу. Или как там это называется.

Впрочем, на сегодня можно забыть о субординации. Сегодня все будут, как двадцать лет назад, Петьки, Машки и прочие, гм, Стасики. Интересно, много ли народу Аллочке собрать удалось? Ему-то она позвонить не удосужилась – подумаешь, Мотька (он ненавидел этот вариант своего имени) Громов, кому он нужен?

Так было всегда. За почти двадцать лет, пролетевшие после диплома, он побывал всего на одной встрече выпускников – на самой первой, давным-давно, в самом начале «взрослой» жизни. Конечно, их группа никогда не была особенно дружной – они и перезнакомились-то толком уже чуть не к самой первой сессии, – но все-таки. Диплом-то отмечали чуть не со слезами на глазах, обещали не ограничиваться ежегодными встречами, договаривались о совместных мероприятиях, клялись звать друг друга на свадьбы и крестины, не забывать «школьные» годы чудесные и вообще «не пропасть поодиночке». Ну да, чего после такого количества шампанского не пообещаешь. Может, кто-то и соблюдал все эти обеты, но – немногие, очень немногие. Вон как на школьном выпускном клялись в вечной дружбе и прочих скрепах – и что? Лично его ни на одну встречу ни разу не позвали. Забывали. И не его одного. Матвей как-то раз – из чистого любопытства – подъехал к родной школе в начале очередного «вечера встречи». Стоял у забора, глядел на наизусть знакомое крылечко. Толпа «бывших» поначалу показалась бесконечной, но он довольно быстро посчитал общее количество выпускников за хотя бы десять лет – и начал вглядываться уже прицельно. Бывших одноклассников удалось насчитать в количестве пяти штук. Да, вполне возможно, он кого-то и проглядел или не узнал, но вряд ли многих. Так что вот она, вечная дружба – пятеро, максимум семеро из тридцати четырех.

Ну и с институтскими «встречами» – та же история.

Про сегодняшнюю он узнал почти случайно. О нем, как всегда, забыли. Хотя отыскать его – пара пустяков. Ну да, адреса-телефоны все поменялись, но родители-то живут все там же и телефон тот же. Было бы желание. Но, похоже, как раз желания-то и не нашлось.

В таком случае ему-то это зачем?

Вечер встречи выпускников – всегда своего рода «точка сборки». Попросту говоря – возможность похвастаться достижениями. Так… полагается. Так принято. Словно записано невидимыми чернилами в неведомом кондуите: привет, мальчики и девочки, ну-ка, выкладывайте, кто сколько медалей накопил. Как будто жизнь – беговая олимпийская дорожка. Глупость вообще-то несусветная. То, что для одного – достижение, для другого – пустяк. И наоборот. Один бегает, другой с вышки прыгает, третий вовсе в шахматы играет. Первому медали за скорость дают, второму за красоту и точность исполнения, третьему – за способность мыслить стратегически. Как сравнишь? Вдобавок даже

очевидные, казалось бы, проигрыши и выигрыши – штука более чем условная. «И если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло», – мурлыкал себе под нос отец, не уследив за утренним кофе. Если ты опоздал на самолет – не факт, что ты неудачник. Возможно, это был не твой самолет. Ну, в глобальном смысле.

Вот, скажем, для него, Матвея Громова, главное – чтобы работа делалась как следует. По крайней мере, та, за которую он отвечает. Чтобы не прятать глаза от собственного отражения в зеркале. А все остальное… Ну, ей-богу, нельзя же оценивать жизнь по высоте занимаемого кресла, количеству денег, квартир или машин. Глупость какая-то. То есть это он, Матвей Громов, так думает. А кто-то, весьма вероятно, измеряет жизненный успех как раз высотой достигнутой карьерной ступеньки и толщиной кошелька. Или, к примеру, частотой упоминания в СМИ. Ну да, ну да. Папу римского упоминают в СМИ по несколько раз в неделю, но вряд ли Его святейшество оценивает свою жизнь по этому параметру.

В общем, идея помахать друг перед другом своими жизненными успехами Громову действительно казалась глупой. Или как минимум бессмысленной. Столько лет никто никому нужен не был, а тут вдруг понадобились.

Наверное, надо было просто выкинуть все это – и бывших соучеников в первую очередь! – из головы. Но Громов почему-то помнил всё и всех. Нет, не то чтобы засыпал и просыпался с их именами на устах. И уж точно это не имело отношения ни к комплексу жертвы, ни к стокгольмскому синдрому, вынуждающему «жертву» мысленно облагораживать своего «террориста». Нет. Ничего подобного. И все-таки помнить Громов – помнил. Нельзя отмахнуться от своего прошлого. Нельзя. Потому что оно – твое. Твоя часть. Твой даже, может быть, фундамент. Зачеркивая прошлое, зачеркиваешь самого себя. Так что он помнил, конечно. Хотя вспоминать – не вспоминал.

Только когда услышал про эту чертову встречу, словно колыхнулись внутри темные глухие пласты, зашевелились, расталкивая обыденные мысли, заворочались недовольно. Как будто под чистой гладью уже освободившейся от зимнего плена реки дрогнул донный лед. Дрогнул – и неотвратимо пошел к посверкивающей под апрельским солнцем поверхности, по которой, лавируя между последними льдинами, уже летают легкомысленные пестрые лодчонки. И где всплывет льдина – неведомо. Может, на пустом пространстве, а может, двинет прямо в беззащитное лодочкино брюхо – бемц!

Стоило бы просто переждать, пока вздыбившиеся со дна сознания темные ледяные пласты уплывут к теплому синему морю – и ведь не доплывут, растают по дороге. Просто подождать.

И все-таки, обдумав все обстоятельства, он решил пойти. Нужно было наконец избавиться от мутных воспоминаний, перестать оглядываться. Кто сказал, что прошлое нельзя изменить? Очень даже можно – нужно всего лишь посмотреть на него под другим углом. Заставить других признать, что не только их жизненные ценности… ценны. Что ценности, выбранные кем-то другим, – не мусор, они ничуть не хуже, не ниже, не второсортнее – просто другие.

Нужно освободиться. Поставить точку.

Именно сейчас. Уж больно компания должна была подобраться… подходящая. Другого такого случая может и не представиться.

Но за костюмом пришлось заезжать к родителям. Благо они никогда ничего не выбрасывали, а уж его комнату и вовсе сохраняли в полной неизменности. Мама только пыль там вытирала да проветривала время от времени. Даже общие тетрадки со старыми конспектами так и стояли цветными рядочками на нижних полках втиснутого между окном и гардеробом стеллажа.

От гардероба ощутимо веяло сухими апельсиновыми корками. Лучшее средство от моли, говорила мама, и пахнет приятно, не то что этот тошнотворный нафталин. Светлый костюм, купленный когда-то в расчете на свадьбу и надетый всего однажды – собственно, на свадьбу же, только не на ту, о которой мечталось, – от висения в шкафу приобрел какой-то сероватый оттенок, но выглядел, в общем, прилично. Матвей критически оглядел себя в мутноватом зеркале – не Пьер Карден, но сойдет. Что бы там ни было, а на фигуре пролетевшие годы не сказались – даже животика, чем многие сорокалетние уже грешат, не наметилось. Нормально, в общем, смотрится. Для зимы, конечно, костюм слишком светлый, но если посчитать его костюмом жениха, то вполне ничего. Маскарад заказывали? Получите маскарадный костюм. Дешево и сердито. Купить у метро какую-нибудь гвоздичку, сунуть в нагрудный карман – чем не жених? Ну типа как товарищ Саахов в «Кавказской пленнице». Сойдет, в общем. Не Дедом же Морозом наряжаться. Не тот случай.

А, ч-черт! Матвей беззлобно выругался. Ни его куртка, ни тем более ботинки к этому костюму не подходили от слова «совсем». У всякого «сойдет» есть свои границы. Пришлось лезть на антресоли за старым верблюжьим пальто и чайного цвета ботинками. Рубашку он позаимствовал у отца.

– Матюшенька, – причитала мама, кутаясь в любимый оренбургский платок, – куда ты в этом…

– На встречу, мамуль, на встречу…

– Да на какую встречу? – Она всплеснула руками. – Вот в этом? Неужели ничего лучше…

– Ничего, мамуль, – отмахнулся он. – Вполне нормально.

Мать, давно убедившаяся, что упрямством сын пошел в отца, только вздохнула.

– Чаю-то хоть выпьешь? У меня кекс есть, такой свежий, такой воздушный, чуть не взлетает…

– Некогда, мам! Ты его миской накрой, кекс то есть, чтоб не улетел, я после. А то опаздываю уже.

– А шарф? И куда ты без шапки? Не пущу с босой головой! Вот что хочешь делай! – Она встала поперек двери, демонстрируя полную готовность «не пустить».

М-да. Это могло стать проблемой. Нет, не материно упрямство. Но про шапку и шарф он действительно не подумал – у куртки был плотный капюшон и плотный, под горло, вязаный ворот. А воротник верблюжьего пальто, хоть как хочешь его поднимай, на макушку не натянешь. Бегать с «босой» головой под снегопадом – это, пожалуй, чересчур, мать права.

– Папин малахай надень, – она уже совала ему в руки здоровенный – настоящий алтайский, отороченный лисой или кем-то вроде, – треух. – И шарф, шарф обязательно.

– А отец как же?

– Да куда мы в такую погоду? Если за хлебом-молоком, так ближний магазин прямо в подъезде, а до гаража он так бегает, в штормовке, – она опять вздохнула. – Все лошадку свою чистит да холит.

«Лошадка» – старенький «москвичок» – до сих пор бегала на удивление шустро, чем отец страшно гордился и в гараже торчал подолгу: тут подкрутит, там почистит, – утверждая, что это помогает поддерживать тонус лучше всякой физкультуры. Он и впрямь выглядел и держался куда бодрее, чем многие его озабоченные многочисленными возрастными болячками сверстники-пенсионеры.

Матвей улыбнулся:

– Что бы я без вас делал! Люблю, целую, отцу привет от меня, – он чмокнул мать в серебристо-седую макушку и выскочил из квартиры.

Стеклянный параллелепипед автобусной остановки был едва виден, так густо облепили его пытающиеся спрятаться от метели граждане. Казалось, гнутая крыша висит над скоплением шапок и капюшонов сама по себе, без всяких стен.

Громов пробился к проезжей части, глянул вперед: похоже, пробка тянулась до самого метро. Даже если автобус придет прямо сию минуту и если еще удастся в него втиснуться, то три остановки он будет ползти полчаса. И то если повезет. Сплошные если, короче говоря.

Матвей поглубже надвинул малахай и зашагал в сторону метро. Шагов через тридцать облепленное снегом пальто из рыжевато-кофейного стало белесым. Снег ухитрялся забиваться даже под шарф – мама когда-то связала его сама, длинный, мягкий, очень теплый – и от прикосновения влажной шерсти шея начала невыносимо чесаться.

Снеговик. Ну чисто снеговик.

Возле леденцово сияющих стеклянных дверей метро Громов попытался почиститься, но вышло не очень: облепившая пальто снежная каша подмерзла, превратилась в ледяные катышки и стряхиваться решительно не желала. Ладно,

подумал он, само растает. Ледяные катышки действительно пропали уже через несколько минут, но намокшая верблюжья шерсть почему-то вдруг начала явственно припахивать псиной.

Ресторан именовался «Розовый фламинго». «Не просто к бифштексам, а к ма-аленьким бифштексам», – некстати вспомнилась реплика из «Понедельник начинается в субботу», которым они когда-то наперебой зачитывались. А может, и кстати. Не просто фламинго, а, ясен пень, розовый! Красота! Интерьер, собственно, соответствовал: дорого, пышно, два гигантских фламинго торчат, изображая вход в Царство Роскошных Трапез, да еще и дико розовые светильники там и сям понатыканы.

Ну насколько можно было видеть от входа. Дальше Матвея не пустили.

Встречавшая посетителей хостесса – в узеньком костюмчике, строгость которого призван был смягчить игриво обвивающий лилейную шейку розовый (ну еще бы!) платочек и розовые же туфельки, – вместо того чтобы с дежурной улыбкой поприветствовать и сопроводить гостя, неуверенно подшагнув, перекрыла дверной проем. От подсвеченной розовыми трубками гардеробной стойки уже спешил на помощь рослый охранник.

– Меня ждут, – сообщил Матвей настолько сухо, насколько это было возможно в его насквозь промокшем состоянии. Снег, опять облепивший пальто, пока он бежал от метро к ресторану, подтаивая в струе установленной в дверях тепловой завесы, уже накапал возле хлюпающих ботинок несколько веселеньких лужиц.

– Вы… уверены? – Девушка пребывала в растерянности: с одной стороны, без фейсконтроля никак, а этот гость на клиента ну совсем не тянул, но если с другой, то они, клиенты, тоже всякие бывают. Пустишь такого – хлопот не оберешься, а вдруг не пустишь – может еще и хуже выйти. И сказал же – ждут его…

Окруженный золотыми завитками и зеркально сверкающим розовым мрамором, Громов в своем обвисшем верблюжьем пальто с зажатым под мышкой малахаем чувствовал себя… неловко. И какого черта, спрашивается, надумал сюда явиться? Но отступать было еще более… неловко. Стыдно, попросту говоря.

Решительно обогнув и девушку, и застывшего столбом охранника, он дошагал почти до арки, за которой расстилался собственно ресторанный зал, где за одним из столиков… Матвей прищурился… да, точно.

– Вон люди сидят, видите? Справа. Шестеро. Встреча выпускников у нас, понимаете? – Матвей попытался улыбнуться, но сам понял, что получилось не очень.

После некоторого раздумья, сопровождавшегося пощипыванием розового платочка на лилейной шейке, девушка смилостивилась:

– Хорошо, пойдемте, я вас провожу. Только ваши… ваше пальто позвольте в гардероб…

Стянув с плеч мокрое и какое-то даже как будто жеваное пальто, Громов почувствовал себя немного лучше. Правда, костюм, явно не рассчитанный на подобные испытания, тоже выглядел сомнительно. Купленная в ларьке у метро махровая гвоздика после пребывания под пальто смялась и торчала из нагрудного кармана скорее уныло, чем по-жениховски. М-да. Тот же товарищ Саахов, только уже после визита в комнату Нины, подумал Матвей. Только у Саахова гвоздика, кажется, на ухе висела. А так – да, вылитый «жених». Апельсиновое амбре пополам с запахом мокрой псины создавало поистине незабываемый аромат…

Может, развернуться и уйти?

Но суровый гардеробщик уже пристроил мокрого «верблюда» на плечики, разместил на торчащей сверху полочке малахай и расправил на специальной жердочке отцовский шарф, от которого тоже, кажется, пахло псиной.

Добродушные ароматы, что вываливались из ресторанного зала в сопровождении веселого стеклянно-фарфорово-металлического позвякивания, столкнувшись с колючим шерстяным амбре, вроде бы пасовали, замирая неуверенно: а точно ли мы – про вкусную еду и веселых людей? И сцепившиеся клювами фламинго поглядывали с высот своего роста как-то сурово: ты куда это, мужик? Тот, что возвышался справа, выглядел подобродушнее, глазом черным косил этак хитро и даже, кажется, подмигивал: да ладно, мужик, не дрейфь! Авось не пропадешь…

* * *

Зачем?!

Нет, ну вот, ей-богу, зачем ей туда идти? Что за надобность встречаться с полузабытыми, почти чужими и, по правде говоря, не слишком приятными людьми? Снисходительные взгляды ловить – ой, кто это у нас тут? А это наша серая мышка из норки выползла, как интересно! – так, что ли? Еще в школе так было, и в институте ничего не переменилось. Когда дочь сообщила о приглашении на встречу бывших одногруппников, в первый момент Ольга чуть не в панику ударилась – да что это, да зачем это, да нечего там делать… Паника была самая настоящая. Словно целая толпа старых знакомых ломится в двери, чтобы вытащить ее наружу, выволочь и силой отконвоировать на эту проклятую встречу, чтоб похихикать, поиздеваться – повеселиться, в общем. Захотелось даже немедленно ринуться запирать все замки – чтоб не ворвались…

Глупость, конечно. Никто не станет Олю куда-либо тащить, кому она нужна? Да никто и не заметит, если она не явится.

Но она знала, что пойдет. Будет мучиться от неловкости, краснеть некстати, молчать весь вечер «в тряпочку». Вот и молчи в тряпочку, говорили в школе тем, кто заведомо не мог возразить. Она никогда не умела противостоять таким нападкам. Даже не пыталась, не придумывала задним числом блестящих, язвительных, уничтожающих ответов – тех, что англичане именуют «лестничным юмором», поскольку при всей безупречной точности подобных реплик в голову они приходят уже на лестнице, за закрытой дверью. Хорошая мысля всегда приходит опосля, гласит уже русская народная мудрость. А в общем, одно и то же. Ольга же и «опосля» никогда ничего такого-эдакого не придумывала. Незачем и не хотелось. Ни разу. Пересидела в уголке, перетерпела – и ладно, прошло и прошло. О том, чтоб не «в уголке», и речи, разумеется, быть не могло…

И все-таки она пойдет.

Женская жертвенность – одна из величайших загадок мироздания. На любую Голгофу взойдут, если любимый попросит. Нередко, впрочем, восхождения совершаются и без всяких просьб – просто потому, что, раз есть Голгофа, должен же кто-то на нее всходить. Необъяснимо, но факт.

В ресторан Ольга приехала, когда собрались уже почти все. Она увидела их сразу. А они ее и не заметили. Действительно. Что им бледная фигурка в поношенном сереньком костюмчике. Им – красивым, ухоженным, явно и победительно преуспевающим. На каждом – маска хищника. Алла – лиса. Кристина и Игорь – львы. Стас – волк. Карен – медведь. Маскарад, но все как в жизни. И все такие гладкие, довольные – собрание баловней успеха. Кристина была посреди «собрания», как центр Вселенной – алое платье, голливудская улыбка. Прямо червонная королева. И, разумеется, на шпильках невероятной высоты – ноги, продуманно выставленные на всеобщее обозрение, демонстрировали обрамленную сверканием красного лака броских туфель изящную щиколотку. Эх, нужно было все-таки взять с собой что-нибудь, переобуться. В школе это называлось «вторая обувь». Не взяла. Вот иди теперь в заляпанных уличной жижей сапогах – уже на ресторанном крылечке Ольга попыталась как-то протереть их обувной губкой, да где там. Соль, или что там нынче дворники сыплют, впиталась в кожу, разукрасив сапоги веселенькими белесыми разводами.

Кристина уж, конечно, не преминет по этому поводу отпустить что-нибудь едкое, высокомерное – королева вечера, как иначе. Карен, с черной повязкой через глаз, хищно скалил зубы. Очень эффектно.

Оля шла в своих убогих сапогах к сверкающему приборами столу, и ей казалось, что идет она очень долго. Может, час, а может, год. Хотя тут было всего-то шагов двадцать.

Ольга подошла почти вплотную, когда взгляды «баловней» обратились наконец в ее сторону. В них мелькнуло сперва недоумение, потом узнавание… опять недоумение – зачем «это» здесь?.. По губам зазмеились улыбки разной степени принужденности.

– Привет, – слабо улыбнувшись всем сразу, Ольга пристроилась на краешек дивана.

– А ты совсем не изменилась, – странным тоном протянула Кристина.

Она еще в студенческие годы умела говорить, как будто выворачивая слова наизнанку: то, что должно было, по идее, звучать комплиментом, превращалось в ушат навоза – а за прошедшие годы «первая красавица фармакологии»

отточила это умение до виртуозности. Ведь, казалось бы, сказано, что годы Ольге не повредили, любая женщина радовалась бы подобному комплименту. Вот только у Кристины это прозвучало чем-то вроде «как была ты, милочка, не разбери поймешь чем, так и осталась». И лицо у нее при этом выражало брезгливость, какая могла быть у английской королевы, прибывшей с благотворительной миссией в глухую африканскую деревню, где среди коровьих лепешек возятся голые сопливые дети.

Это она, Ольга, грязное сопливое существо, неотличимое от кучи мусора. Она вжалась поглубже в мягкий диван, ожидая новых нападок. Мальчики-то вряд ли начнут куражиться (хотя Игорек, чтоб Кристине потрафить, – может, ох, может), но вот Аллочка… не захочет ли и она присоединиться к триумфу Кристины? Покатаюся, поваляюся, Ивашкиного мясца поевши…

– Тебе, – Алла протянула маску овцы.

Ольга не стала спорить: так и должно было получиться. Овца среди собрания хищников.

К счастью, общее внимание привлекла появившаяся в зале странная фигура…

– Батюшки! – всплеснула прекрасными руками Кристина. – Громов?

Ольга прижала ко рту ладошку, с испугом осознав, что странная фигура – это действительно Громов. Она и сама не поняла, что ее напугало: ничего страшного в «фигуре» не было. Выглядел бывший однокашник скорее уж смешно. Даже жалко. В промокших ботинках, слишком светлом для зимы костюме с изрядно заляпанными брючинами и в довершение всего – в белой рубашке. Господи, разве можно белую рубашку под светлый костюм надевать? Да и костюм – где он такую древность откопал? К тому же гвоздика дурацкая из нагрудного кармана висит… Боже мой!

– Мотя! – радостно завопил Игорь. – Явился все-таки! А мы уж и не ждали! Прямо как на картине Репина. Ты что, через всю Москву пешком топал? В такую-то погодку, – Маликов зябко повел плечами, которые ладно облегал отлично пошитый оливково-серый пиджак. – Или боялся, что, если на такси потратишься, на оплату счета не хватит? Так я забашляю, разве мне для старого друга жалко? И такси для тебя оплачу, разве можно так здоровьем рисковать? У тебя же

самые умные мозги из всего курса были, их беречь надо. А ты вон чего? Разве можно? Промерз небось как цуцик. А я как знал, в обратном порядке заказал, ну то есть все наоборот попросил принести, – он махнул в сторону стоявшей возле сырной тарелки бутылки. – Метрдотель чуть в обморок не упал: как можно, коньяк – не аперитив, его после обеда употребляют. Но правила ведь и существуют, чтобы их нарушать, разве нет? Вот я и настоял, как предчувствовал, честное слово! Так что давай коньячку, сразу согреешься, – радушие изливалось из Игоря не то что потоком – водопадом, в его дружелюбном сочувствии можно было утонуть. В буквальном смысле. – Или тебе водочки привычнее? – не удержался он от шпильки, впрочем, тут же прикрытой еще более широкой улыбкой: мол, я это не в упрек, я по-доброму, по-дружески, о ближнем забочусь изо всех сил. – А коньячок хороший, вполне французский, не то что разные всякие… так что давай-давай! Хоть попробуешь, что это такое. Да ты садись, что ты мнешься, как бедный родственник. Не стесняйся, все ж свои. Садись, сейчас горячее принесут…

Как бедный родственник, мысленно повторила Ольга. И она тоже – как бедная родственница. Сжалась в уголке дивана – чтоб поменьше стать, чтоб не глядели, не замечали…

* * *

«Розовым Фламинго» именовался не только сам ресторан, но и одно из фирменных блюд – буйабес, знаменитая средиземноморская рыбная похлебка, которой, по французской легенде, богиня любви Афродита ежедневно кормила своего Гефеста – должно быть, чтобы придать ему сил для более успешного исполнения супружеских обязанностей.

Заглавных «героев» в ресторане имелось три. Еще до пары четырехметровых «птичек», стоявших на страже за гардеробом, у входа в ресторанный зал, на крылечке заведения гостей встречал первый, самый высокий «фирменный знак». Склонив элегантно длинную шею, фламинго приподнимал крышку с гигантской супницы – видимо, с тем самым буйабесом. Из-под крышки вились изображавшие пар светящиеся трубки – розовые, разумеется. Прихотливо вьющиеся «струйки пара» выписывали название заведения и его фирменного блюда.

Те фламинго (Зое все время хотелось сказать «фламинги»), что стояли внутри, были, кажется, пластмассовыми. А этот, самый «фирменный», получился из двух

ограждавших крылечко колонн. Хотя какие там колонны – две подпирающие небольшой козырек трубы, поставленные почти вплотную. Неизвестный дизайнер «загримировал» трубы под фигуру фламинго, а вверху ограничился фактурной краской, поэтому ноги у встречающего гостей фламинго были как бы настоящие. Даже когтистые пальцы торчали, разлаписто упершись в гладкий мрамор крылечка. Возле них примостилась крошечная, в полметра высотой, жестяная (а может, чугунная, черт ее поймет) пальмочка – урна. За ней и за «ногами» образовался небольшой закуток, где можно было наскоро перекурить. Точнее, как раз нельзя, персоналу полагалось «травить организм» возле черного хода. Но до него надо было идти через кухню, по кривому, вечно заставленному ящиками коридорчику – далеко и неудобно. До крылечка гораздо ближе, и можно сделать вид, будто просто «воздухом подышать» выходишь. Все знали, конечно, но никто не придирался.

Курить они ходили втроем, их так и звали в смене – три «З» или еще проще – три в кубе. Потому что букву «З» от тройки не отличишь.

Хотя вообще-то «З» было только два – администраторша Зоя и Захар, официант. Охранник именовался Семеном, но, когда Зоя устроилась в «Розовый Фламинго» администратором, уже все поголовно называли его Зямой – почти как Сема, только смешнее. Или – иногда, как бы цитируя «Бриллиантовую руку», – говорили: Семен Семеныч. С той самой интонацией – мол, как же ты не сообразил-то? Впрочем, такого почти никогда не случалось. Зяма был чуть не старейшим сотрудником ресторана и сложные ситуации чуял еще до их возникновения.

– Захар, как там эти, как их, выпускники? – хмуро осведомился он, поглядывая в щель между фламинговыми ногами. – Ты приглядывай, а то…

– Да уж беспременно, – ухмыльнулся тощий быстроглазый Захар. – Я сразу подумал…

– Сразу – это когда? – ревниво перебил его Зяма.

– Ну как этот, что столик бронировал, заказывать начал. Он же первым явился, и вот. Коньяк, говорит, принесите, а прочее потом. Ну кто так делает? Не, я понимаю, перед едой накатить – святое дело, – Захар с нескрываемой завистью вздохнул. – Не нравится мартини и прочие аперитивы – можно и водочки, тоже

для аппетита очень даже хорошо. Но коньяк перед едой? Он бы еще с пирожных начал! Генрих Ильич как раз неподалеку был, так он аж в лице переменился.

Генрихом Ильичом звали метрдотеля.

– Вот и я про то же, – веско подытожил охранник. – Напьются, а остальным клиентам любуйся на них. Нам оно надо? Смотри, короче.

– А когда последний пришел, – задумчиво продолжал Захар, – тот с ходу его чуть не силой этим самым коньяком угощать стал: выпей да выпей. Не, ну тот, конечно, замерзший был… ну или выглядел так… но все-таки. Я гляжу, он у них вроде бедного родственника. Напоят и насмехаться начнут, сколько таких уже бывало. Как какая-нибудь компания с понтами, обязательно какой-нибудь петрушка есть. Для увеселения. А нам потом драку усмирять. Этот, последний, правда, на коньяк не очень налегает, но… Это я про того, Зой, который чуть на тебя не кинулся, я из зала видел…

Она благодарно улыбнулась. Гость в верблюжьем пальто и огромном малахае и впрямь ее напугал:

– Пойдем уже, да? – Тонкий окурок отправился в урну между стеной и ребристыми «чешуйчатыми» колоннами, изображавшими фламинговые ноги.

Дела давно минувших дней

Благополучный мальчик

– Мам, мы богатые? – спросил он как-то раз.

Мама растерялась:

– С чего ты взял? Или… Ну… как сказать… – она нахмурилась. – Да нет, наверное… Хотя…

– Значит, бедные? – не унимался маленький Игорь.

Тут мама не засомневалась ни на мгновение:

– Да что ты, Гарик! Нет, конечно! Какие же мы бедные, сам погляди!

Это было похоже на правду. Бедные – он знал это совершенно точно – обитали в ветхих (бабушка Зина сказала, что это означает что-то очень старое, почти развалившееся), крохотных, темных, покосившихся избушках и лачугах (бабушка объяснила, что это такой кривой домишко из чего попало). Зимой они топили печку суковатыми дровами или хворостом, который собирали в лесу, а когда дров не было – мерзли. Игорь жил в большой светлой квартире, дрова никто не рубил, потому что никакой печки топить не требовалось – готовили на плите, а зимой было тепло от батарей, таких горячих, что едва дотронешься. И ели бедные: в обед – хлеб с квасом, вечером – квас с хлебом. Квас Игорек любил, но разве это еда? И что, кроме хлеба – совсем ничего? А как же блинчики, творожники, сосиски и картофельное пюре с блестящей коричневой подливкой, ручейки которой так весело направлять по проведенным в картошке каналам? Действительно, не похоже, что они – бедные. Вот и хорошо. Жить без сосисок было бы… скучновато.

В общем, ответ его вполне устроил. Зато мама почему-то взволновалась:

– Где ты этого нахватался? Богатые, бедные, что за…

– Ну как же, – серьезно объяснил он. – В сказках всегда говорится: бедный рыбак или богатый крестьянин…

– Вон оно что… – сразу успокоившись, мама принялась за какие-то свои важные взрослые дела.

Потом, лет через сто или пятьсот – Игорь уже совсем большим вырос, даже в школу ходил, – он услыхал, как кто-то говорит завучу: «У нас никаких проблем бы не было, если бы все, как Маликовы, были – такая благополучная семья!»

К тому времени он давным-давно забыл про «бедных» и «богатых», но слово ему понравилось. Оно было не совсем понятное, но очень хорошо подходило к их жизни. В него входили и бабушкины пироги, и шкафчик с игрушками, содержимое которого регулярно обновлялось, и блестящие резиновые сапоги – куда угодно в них можно было залезть, они ни за что не промокнут! – и летняя

дача, где крупнющую черную смородину можно есть прямо с куста – сколько влезет! – а малину заливали густым козьим молоком. А еще – походы в цирк и прогулки с отцом по набережной – правда, отец вечно оказывался занят, но иногда они все-таки гуляли вместе и разговаривали на разные темы, как двое взрослых мужчин. А еще – сказки перед сном!

Дедушек у них почему-то не было, зато бабушек имелось целых две! Бабушка Тая почти каждый день пекла всякие вкусности, а бабушка Зина читала мальчику сказки. Даже когда Игорь сам выучился читать – довольно рано, лет в пять – он все равно любил слушать, это ведь совсем не то, что читать самому. Сказки в бабушкином исполнении становились как будто другими, не теми, что были напечатаны в разноцветных книжках с пестрыми картинками.

В сказках все было ясно и понятно, на все вопросы давались ответы, и все препятствия преодолевались. Даже когда сперва казалось, что это совершенно невозможно. Как, например, когда какой-то царевич отправился не то за невестой, не то за жар-птицей. Чтоб добыть надобное, требовалось победить злого волшебника, а может, какого-то вредного короля, подробностей Игорь не помнил. Зато очень хорошо запомнил, как царевич по дороге знакомился с разными странными и, как правило, не очень приятными персонажами и всех звал себе в попутчики. Персонажи, должно быть, скучали, и они охотно присоединялись к походу. А волшебник (а может, король) сразу начал давать явившемуся гостю всякие хитрые задания: мол, выполнишь – твоя жар-птица (или это были молодильные яблоки?) И каждый из прихваченных по дороге персонажей тут же начинал показывать какое-нибудь хитрое умение: воду из камня добывал или поле без волов вспахивал. Умный царевич получил свою невесту вместе с жар-птицей, молодильными яблоками, и все дружно отправились пировать.

В жизни, конечно, не встречались ни злые волшебники, ни жар-птицы, ни молодильные яблоки, но, с другой стороны, как знать? А вдруг? Вот бы накормить молодильными яблоками бабушек? Особенно бабушку Зину, которая частенько кряхтела, потирая поясницу: «Ох, старость не радость!» Почему бы ему, Игорю, не добыть чудесных яблок? Друзей-то у него – вон сколько, целый двор и еще парочка соседних!

Мама, свято веруя в пользу спорта, пыталась записать сына то «на волейбол», то «на плавание», то «в легкую атлетику», но Игорь предпочитал, как она сетовала, укоризненно качая головой, «носиться по двору с такими же охломонами»

и секции упорно бросал. При явном попустительстве отца, недовольно говорила мама, тот же в ответ лишь посмеивался: «Отстань ты от пацана, дворовая беготня в смысле укрепления здоровья ничем не хуже спортивной секции, а кое в чем даже и лучше».

Конечно, лучше! Разве можно сравнить нудные однообразные занятия под руководством скучных, похожих, как близнецы, тренеров с их вечным «давай через «не могу», «ну-ка еще разок» и невероятные дворовые приключения? Когда вокруг миллион деревьев, только и ждущих, чтобы на них залезли – в развилке старого вяза ребята даже устроили «секретный штаб»! А лабиринты между густо поставленными гаражами, где только пацан и пролезет – а если упрешься в тупик, можно вскарабкаться на гаражную крышу, а с нее на соседнюю, и дальше, дальше, по липкому от солнца рубероиду, по гремящим «жестяным» листам, по серым волнам пыльного шифера! И весь мир – внизу, под тобой, а ты выше всех! А манящие жутковатой темнотой подвальные окна? Там, говорили, водились крысы размером с кошку, с во-от такими зубищами – раз, и руку откусит! Никто из Игоревой компании никогда этих чудовищ не видел, наверное, крысы прятались поглубже, в темноте, за сплетением непонятных толстых труб. И жутко было – сейчас ка-ак выскочит, как вцепится! – но в подвалы мальчишки все равно лазили.

Тихони, трусы, нытики и плаксы отсеивались из компании моментально. Страшно? Иди на лавочке с бабульками сидеть, без трусишек обойдемся. Рассадил коленку? Лизни подорожник и приклей, а если шрам останется – вообще красота, это ж круче любого ордена. Бывало, конечно, что штаны или куртка трещали от внезапной атаки притаившегося в трухлявой доске гнутого гвоздя – тогда приходилось придумывать, что рассказать дома. Игорь сочинял «отмазки» лучше всех, а уж «докладывал» так, что не поверить было невозможно.

– Когда придумаешь легенду, надо просто представить, как будто так и случилось, – объяснял он приятелям, чьи «доклады» не выдерживали родительского скепсиса. – Вот просто подумать и представить. Когда сам поверишь, что отмазка – никакая не отмазка, а на самом деле так и было, тогда можно кому хочешь рассказывать, любой поверит.

Впрочем, слово «отмазка» появилось в его лексиконе не сразу. Во дворе они говорили «легенда» – как в кино про разведчиков. «Отмазка» была термином дачным. Дача, вернее, дом в настоящей деревне, располагалась далеко: надо

было ехать сперва по шоссе, потом по грунтовке. Часа два, не меньше, а может, и три.

У одной из бабушек – Игорь толком не знал, какой из них принадлежал дом. Старый, скрипучий, с печкой и колодцем, с яблонями, вишнями и огородом, с крыжовниковыми зарослями вместо забора – красота. Взрослые называли эту красоту «дачей». Таких же, как они, «дачников» наезжало сюда еще две-три семьи. Прочее население было постоянным и к приезжим относилось скептически.

Когда Игорь, только начав осваивать окрестности и чувствуя себя отважным путешественником в джунглях Экваториальной Африки, сунулся в обнаруженное в пролеске озерцо, рядом возникла стайка местных пацанов.

– Не боишься в воду-то лезть? – ехидно ухмыляясь, осведомился один – рыжий, усыпанный веснушками.

Игорь никогда не видел, чтобы у кого-то было столько веснушек: не только на лице, но и на руках, и на шее, и на тощих, изрядно исцарапанных ногах. Надо же, прямо леопард какой-то, подумал Игорь. Он не боялся никогда и ничего, о чем «леопарду» и сообщил.

– А если там… крокодил? – страшным шепотом не то предположил, не то предупредил стоявший справа от «леопарда» белобрысый пацаненок.

Крокодилы, конечно, были довольно страшные: Игорь видел по телику. Улыбчивый ведущий интересно рассказывал, что в Древнем Египте крокодилам поклонялись и приносили жертвы – привязывали живых людей на берегу, а ночью из темной воды выползал зубастый ужас… Но, во-первых, Игорь-то сейчас не привязан, во-вторых, солнце светит, в-третьих, озерцо маленькое, если там и есть крокодил, то совсем маленький, большому тут не поместиться. Может, даже такой, как на картинке в букваре, прочитанном за два года до школы, – ярко-зеленый и очень веселый. Такого чего бояться?

Ну и, главное, не праздновать же труса перед местными. Покажешь, что поджилки трясутся, – никто никогда тебя ни в одну игру не примет. И что тогда? Убеждать родителей, что «на дачу» он больше не поедет? Во-первых, вряд ли удастся… убедить (особенно отца), во-вторых, в городе летом, когда все

разъехались, от скуки с ума сойдешь. Нетушки, не на таковского напали.

– Вы тут, что ли, крокодилов боитесь? – небрежно усмехнулся Игорь.

– Не-а, – сообщил рыжий «леопард», похлестывая себя по тощим коленкам длинной камышиной. – Мы-то как раз не боимся. Чего нам бояться, мы-то всю жизнь тут. Свои, короче. А ты ж городской, вы там все хлипкие, от таракана в обморок падаете. Все городские – неженки, – он презрительно сплюнул.

– Не все, – с таким же презрительным хмыканьем ответил Игорь и ринулся в воду.

Бр-р-р. Вода была теплая только сверху, а внизу – прямо ледяная. Ну… почти. А так ничего, гордо подумал маленький Игорь. Все-таки плавать его тренер в бассейне научить успел.

– Там ключи бьют, – сообщили с берега уже куда дружелюбнее. – Так что ты гляди… А то будет судорога, вытаскивай тебя потом…

– У меня б-булавк-ка ес-сть, – едва выговорил Игорь, выбираясь из воды и подпрыгивая, чтобы согреться.

Про булавку, которая всегда должна быть при себе, на пояске плавок, объяснил отец: мол, лучшее средство от внезапной судороги – резко уколоть сведенную ногу.

Мальчишки поглядели на него почти уважительно и, переглянувшись, тоже кинулись в воду – всей гурьбой, так что озерцо чуть не вышло из берегов.

Мама, когда Игорь честно рассказал про купание, всполошилась:

– Да как же… да ты же… да ты ведь мог… да там же…

– Брось, – отец усмехнулся. – Он же пацан, ему положено. Я в этом озере чуть не с младенчества барахтался, там глубины-то метра три, не больше, если задержать дыхание, можно по дну с одного берега на другой перейти. Ну ключи холодные бьют, а так – ничего страшного.

– А крокодилы? – неожиданно спросил Игорь.

– Крокодилам там тесновато, – серьезно ответил отец. – Так что ничего крупнее пескаря никогда не обнаруживалось. Да и то… Негусто там рыбы. Вот лягушек, тех навалом, вечером как разорутся, здесь слышно будет.

Лягушек в озере оказалось и впрямь великое множество. Однажды ребята – после первого купания местные безоговорочно приняли Игоря в «свои» – наловили с полведра, выкрасили их пожертвованной одной из девчонок гуашью и запустили в дом к вредной бабе Гале, так что та потом полдня со стола не слезала, только орала, на помощь звала. А после всем рассказывала:

– Вот как есть черти! Сто штук, а может, и поболе! И все в разные цвета! Как ломанутся в избу, я уж не чаяла живой остаться.

Каверзу с лягушками придумал Игорь, чем заслужил у «деревенских» еще больший авторитет.

К концу последнего дошкольного лета он вытянулся так, что купленная загодя форма оказалась мала, пришлось уезжать с «дачи» на два дня раньше, чтобы, как сказала мама, совершить незапланированный, но необходимый набег на «Детский мир». Игорь любил этот магазин – шумный, пестрый, радостный – но сейчас ему совсем не хотелось в толпу покупателей. А хотелось еще раз – ну напоследок – пробежаться с ребятами по окрестностям, проверить, не завелся ли наконец в озерце крокодил, набрать поздней ежевики. Вот честное слово, разве мама не может купить эту чертову форму сама? Но мама говорила таким голосом, что было совершенно ясно: возражать бессмысленно, его мнение никого не интересует, сказано – возвращаемся в город – и точка.

Это изрядно отравило Игорю последние вольные деньки. Вот зачем она вообще нужна, эта самая школа? Ходи туда каждый день, сиди, пялясь на доску, да еще дома уроки делай. Из кружков, куда мама пристраивала его с неменьшей настойчивостью, чем в спортивные секции, можно было хотя бы, если не нравится, свалить. А в школу, будь добр, ходи, хочешь не хочешь, никого не интересует. Так надо.

– Нужно как следует учиться, чтобы, когда вырастешь, хорошо зарабатывать. Как папа, – объясняла мама.

– Так пусть папа меня и научит! – возмущался Игорь.

Но папа, дослужившийся к тому моменту уже до главного инженера не самого маленького предприятия, был всегда занят. Потрепав сына по голове, он сказал, что ничего страшного в школе нет:

– Я когда-то и школу, и институт закончил и, как видишь, жив остался и даже вполне так ничего себе жив. Учеба, знаешь ли, довольно интересная штука. Узнаешь, по каким морям пираты плавали или, к примеру, какой краской лягушек красить, чтоб они пятен на стенах не оставляли, – отец усмехнулся и подмигнул. – Так что давай манную кашу по чистому столу не размазывать, веди себя как настоящий мужчина.

Про «манную кашу по чистому столу» отец говорил, когда считал, что тема не стоит обсуждения. Но откуда он узнал про лягушек?!

Хуже всего было то, что Игоря записали совсем не в ту школу, что была под боком и куда пошли все дворовые приятели, а в дальнюю. Якобы потому, что она «лучше». Чем – лучше?! Тем, что до нее – топать и топать? Или тем, что там – ни единого знакомого лица не окажется?! Игорь попытался было спорить, но только и успел, что воскликнуть возмущенно:

– Почему туда?

– Я там учился. Отличная школа и не испортилась с тех пор. Я сам с нынешним директором разговаривал, очень правильный дядечка, – довольно сухо объяснил отец, и вопрос был закрыт, даже не открывшись.

Учиться оказалось еще скучнее, чем Игорь себе представлял. Читать он умел неплохо, считал тоже вполне прилично, а ни про какие пиратские моря никто им рассказывать, похоже, и не собирался. Сиди, царапай крючочки и палочки – ровнее, ровнее нужно, ну-ка постарайся как следует – тоска зеленая!

Все прежние друзья, попав в «ближнюю» школу, практически перестали быть… друзьями. Игорь и сам не понимал, как и почему это получилось. Но – перестали. А новых завести тоже почему-то не удавалось. Те, кто жил рядом, были знакомы еще до школы и держались отдельной компанией, а те, кого, как Игоря, пристроили «пусть и подальше, но поприличнее», в компанию тоже не сбивались, так и существовали – поодиночке.

Как-то на переменке Игорь увидел, как в углу за пустой пока раздевалкой двое мальчишек задирают третьего. Двое были Игорю незнакомы – видимо, они были из другого класса, а третий, тот, на кого «те, чужие» наскакивали, во время уроков сидел через две парты от него. Игорь вспомнил и фамилию – Громов.

– Ну ты, Мо-о-отя, – кривлялся один из нападавших, щелкая по лбу прижавшегося к стене Громова.

Игорь вздохнул. Делать было нечего, ситуация без вариантов: во-первых, чужие лезут на своего (одноклассник, никуда не денешься), во-вторых, двое на одного, что вообще ни в какие ворота.

Уже через минуту «чужие», ошарашенные напором непонятно откуда взявшейся «группы поддержки» (путь и состоявшей из одного Игоря), предпочли удалиться восвояси.

Спасенный тихо выдохнул:

– Спасибо. Я совсем не умею драться. Это ужасно, да?

– Да ничего, бывает, – великодушно отмахнулся Игорь и собрался уже было идти в класс, но неожиданно спросил: – А почему он, ну тот, что цеплялся, почему он тебя Мотей называл? Странное слово какое-то. Вроде тети Моти, что ли?

Тот покачал головой:

– Меня Матвей зовут. Ты не знал?

– Откуда? – искренне изумился Игорь. – Училка-то всех по фамилии называет.

– Нехорошо говорить «училка», это грубо. Учительница, – тихо, но твердо возразил Матвей.

Вот и спасай такого! Действительно, настоящий Мотя!

Впрочем, дружить с Матвеем оказалось очень удобно. У него всегда можно было передрать домашнее задание или получить подсказку, если предыдущим вечером учебник бесславно отступил перед несущимися в окно криками: «Гарик! Пошли мяч погоняем!»

Поначалу, в первые школьные годы, все это были, конечно, сущие пустяки. Игорю просто нравилось опекать неприспособленного, как он считал, «мотю». Но постепенно Игорек ощутил и собственные выгоды, приносимые этим странноватым союзом. О нет, Игорь вовсе не был меркантилен – и уж тем более не чувствовал себя таким. С чего бы? Голова-то у него работала, разве нет? И уж, конечно, он мог распрекрасно справиться с любым из школьных предметов: ни в химии, ни в математике не было для него ничего «зубодробительного», любой параграф, любая тема становились понятны с одного прочтения. Но… даже один раз прочитать – это ведь время нужно потратить. Времени было решительно жаль. То ли дело в футбол погонять или в киношку веселой компанией смотаться. Это ж только в первом классе он никак не мог «влиться в коллектив». Даже вспомнить смешно! Уже классу к пятому он был душой и центром любой школьной компании – рослый, красивый, заводной, неистощимый на шутки и выдумки – типичный неформальный лидер. От лидерства формального – всякие там советы отряда – Игорь уклонялся весело и успешно. Скукота! Такая же бессмысленная трата времени, как и сидение над учебниками. Это вон Громова, вот уж чудак-человек, без книжки никто никогда не видел. И ни в одну компанию его не зовут. Только вместе с ним, с Игорем, и терпят.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Борис Пастернак.

2

Кукан – приспособление для хранения и переноса выловленной рыбы.

Купить: https://tellnovel.com/oleg-roy/maskarad-na-sem-person

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити